116

Владиміръ Ив. ЧАЙКИНЪ.

КАЛИШАНЕ

ВЪ КОГТЯХЪ

У ВАРВАРОВЪ-ПРУССАКОВЪ

Драма изъ современной войны.

Книга посвящена
славной памяти героя города Калиша,
казначея Соколова-Калишскаго.

ПЕТРОГРАДЪ.
„Сѣверная Печатня". В. О., 13 л., 2.
1915.

8-6-116
59425

Владиміръ Ив. ЧАЙКИНЪ.

КАЛИШАНЕ

ВЪ КОГТЯХЪ

У ВАРВАРОВЪ-ПРУССАКОВЪ

59425

Драма изъ современной войны.

Книга посвящена
славной памяти героя города Калиша,
казначея Соколова-Калишскаго.

ПЕТРОГРАДЪ.
„Сѣверная Печатня". В. О., 13 л., 2.
1915.

Посвящаю трудъ свой
памяти героя города Калиша
казначея Соколова-Калишскаго,
безвременно погибшаго
отъ рукъ варваровъ-нѣмцевъ.

Авторъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сергѣй Васильевичъ Коваленко, штабсъ-ротмистръ въ отставкѣ, 45 лѣтъ.

Лидія Павловна, жена его, 42 лѣтъ.

Елена, 19 лѣтъ, курсистка
Миша, гимназистъ 13 лѣтъ
Петя, девяти лѣтъ
} дѣти Коваленко.

Екатерина Александровна Коваленко, 70 лѣтъ, мать С. В. Коваленко.

Марія Васильевна Нечипоренко, дѣвица 19 лѣтъ, курсистка.

Николай Георгіевичъ Полѣшко, студентъ гражданственникъ естественнаго факультета, 24 лѣтъ, женихъ Елены.

Густавъ Густавовичъ Мельбаумъ, ростовщикъ города Калиша, нѣмецъ, 52 лѣтъ, шпіонъ.

Миллеръ, молодой человѣкъ 24 лѣтъ, нѣмецъ, секретарь Мельбаума.

Дуня, дѣвушка 22 лѣтъ, кухарка
Фрося, дѣвушка 19 лѣтъ, горничная
Ѳедоръ, парень 23 лѣтъ, малороссъ, дворникъ
} слуги Коваленко.

Докторъ. Нѣмецкіе солдаты.

ДѢЙСТВІЕ I-ое.

(Одна изъ центральныхъ улицъ города Калиша. Небольшой домъ-особнякъ, окруженный большимъ садомъ. Вечеретъ. На небѣ ни облачка. Послѣ жаркаго дня наступилъ прохладный вечеръ. Слышенъ однотонный звонъ колокола,—то благовѣстъ къ вечернѣ. На террасѣ, выходящей въ садъ сидитъ все семейство Коваленко и Марія Васильевна Нечипоренко. Всѣ пьютъ чай. На столѣ стоитъ букетъ изъ розъ. Сергѣй Васильевичъ читаетъ газету. Петя и Миша молча пьютъ чай. Марія Васильевна и Елена Сергѣевна тихо спорятъ о чемъ-то. Екатерина Александровна раскладываетъ пасьянсъ. Лидія Павловна что-то подсчитываетъ и записываетъ въ тетрадь).

Елена. Ты пойми, Мурочка, какъ я рада, что Количка, наконецъ, завтра пріѣзжаетъ. Боже, какъ я истомилась, ожидая его, моя дорогая.

Марія. Ну, я думаю... Столько времени не видѣться,—можно истомиться. Что же онъ тебѣ еще пишетъ, милочка?

Елена. Да, вотъ, онъ былъ у своего товарища по гимназіи, въ Екатеринославской губерніи. У отца этого товарища тамъ, по берегу Днѣпра, богатыя охотничьи угодья,—свои озера и лиманы. Количка и его товарищъ—страстные охотники. И вотъ, онъ пишетъ, что безпрерывно охотился во время весенняго пролета птицъ; пишетъ, что собралъ большую коллекцію утокъ и другихъ болотныхъ, главнымъ образомъ, птицъ. Торжествуетъ, что убилъ какихъ-то розовыхъ скворцовъ. Пишетъ затѣмъ, что собралъ большую коллекцію змѣй, бабочекъ, жуковъ. Онъ такъ, Мурочка, любитъ природу, такъ любитъ природу!.. У него какая-то бѣшеная страсть къ естественнымъ наукамъ и къ

собираніямъ различныхъ коллекцій птицъ, бабочекъ, жуковъ, змѣй и растеній. О, какъ онъ любитъ, Мурочка, собирать всевозможныя коллекціи!..

Марія. Какъ жаль, Леночка, что въ Петроградѣ ты не успѣла меня съ нимъ познакомить.

Елена. Но, Мурочка, дорогая, онъ завтра, вѣдь, пріѣзжаетъ,—не долго ожидать осталось. Но если бы ты знала, дорогая Мурочка, что дѣлается съ моимъ сердцемъ: оно какъ-то особенно сладко бьется. Боже мой, какъ я волнуюсь! Вѣдь, я его такъ безумно люблю, моего Количку: онъ такой милый, славный, красавчикъ мой дорогой.

Сергѣй Васильевичъ *(серьезно посмотрѣвъ на дочь и затѣмъ на всѣхъ)*. А вотъ, господа, я вамъ серьезную новость прочитаю.

Лидія Павловна, Елена и Марія. Пожалуйста! пожалуйста!!. Что такое?..

Сергѣй Васильевичъ. Да вотъ что! Вѣна. Злодѣйски убиты въ Сараево сербомъ-гимназистомъ Принципомъ и еще однимъ неизвѣстнымъ анархистомъ—эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ и его жена. Убійцы схвачены. Полиціи съ трудомъ удалось оттѣснить публику и тѣмъ спасти убійцъ отъ самосуда толпы, пришедшей въ необычайную ярость. Ходятъ слухи, что въ убійствѣ и заговорѣ замѣшаны многіе видные сановники Сербіи.

Голоса. Ахъ, какой ужасъ! Ахъ, какой ужасъ! Какъ это ужасно! Боже мой, Боже мой!

Сергѣй Васильевичъ. Да, это дѣйствительно ужасно. Но этого эрцгерцога Франца-Фердинанда жалѣть не нужно. Это былъ жестокій человѣкъ, вѣчно жаждущій крови человѣческой, ненавистникъ славянъ и церквей православныхъ. А вотъ про герцогиню ничего не могу сказать; не знаю и ничего про нее не читалъ и не слыхалъ.

Миша. Папочка, дорогой, намъ учитель географіи говорилъ, что Францъ-Іосифъ, императоръ Австро-Венгріи, самый старый изъ всѣхъ государей въ мірѣ. Это правда? а?

Сергѣй Васильевичъ. Да, сынокъ, это правда.

Елена. А мы съ тобой, Мурочка, опять къ вечернѣ не попали?

Марія. А зачѣмъ остановка? Пойдемъ сейчасъ, успѣемъ; вѣдь, мы одѣты.

Екатерина Александровна *(говоритъ старческимъ голосомъ, тряся головой).* Пойдите, милыя дѣвочки, пойдите; это очень хорошо; помолитесь Богу за насъ всѣхъ. Я бы тоже пошла съ вами, да нездоровится что-то и ноги сильно болятъ.

Елена. Такъ пойдемъ, что же, мы, правда, вѣдь, одѣты; только шляпы одѣть, да подушиться—и готово дѣло!

Марія. Конечно! Пойдемъ же скорѣе!

Елена. Пойдемъ, милая Мурочка, пойдемъ *(убѣгаютъ).*

(Послѣ ухода Елены и Маріи, Петя и Миша благодарятъ за чай и цѣлуютъ отца, мать и бабушку, Екатерину Александровну, и сначала усаживаются на ступенькахъ террасы, а затѣмъ, спустя минуту, уходятъ въ садъ. Въ саду слышится голосъ Миши).

Миша. Петя, лови меня!

(На террасѣ остались: Сергѣй Васильевичъ, его мать и жена).

Сергѣй Васильевичъ. А ты знаешь, Лида, вотъ это убійство эрцгерцога можетъ много весьма худыхъ послѣдствій имѣть.

Лидія Павловна. А какихъ, голубчикъ мой, весьма худыхъ послѣдствій?

Сергѣй Васильевичъ. Да какъ—какихъ!?. Вѣдь, ты же слыхала, когда я читалъ сейчасъ, что въ заговорѣ замѣшаны сербы, занимающіе видное общественное положеніе... Слѣдовательно, могутъ обостриться отношенія между Сербіей и Австро-Венгріей. А обострятся навѣрное. Я чувствую это по характеру телеграммы изъ Вѣны. Въ случаѣ же войны между Сербіей и Австро-Венгріей — Россія не будетъ молчать. А намъ здѣсь, на границѣ, жить не совсѣмъ и безопасно.

Лидія Павловна. Ну, ты ужъ!.. У тебя, ужъ, и война!.. Какая тамъ война?!. Теперь войны не въ модѣ.

Сергѣй Васильевичъ. Эхъ ты, женщина!!. Вотъ и институтъ окончила, а ума не набралась.

Лидія Павловна. А ты, Сергѣй Васильевичъ, не можешь безъ грубостей обойтись: обязательно ты долженъ задѣть меня и институтъ. Институтъ, мой милый,—это твоя слабая струнка, на которой ты постоянно игралъ и играешь. Я разсуждаю по-своему, а ты, голубчикъ, по-своему разсуждай. Но я должна тебѣ сказать, что, вообще, всѣ теперь говорятъ, что войны долго теперь не будетъ съ Россіей.

Сергѣй Васильевичъ. Кто это всѣ говорятъ, всѣ говорятъ, всѣ говорятъ?!. *(Громкимъ рѣзкимъ басомъ, жестикулируя руками)*. Бабье какое-нибудь неразвитое, вродѣ тебя и этой... какъ ее?.. Анны Павловны, твоей безмозглой пріятельницы,—слава Богу, уѣхавшей на два мѣсяца изъ Калиша. *(Передразниваетъ жену свою, старается говорить тонкимъ голосомъ)*. Всѣ говорятъ, всѣ говорятъ, что войны съ Россіей не будетъ!.. Да наоборотъ, милѣйшая Лидія Павловна, всѣ умные люди, не такіе, конечно, глупышки, какъ ты со своей Анной Павловной,—этимъ качаномъ капусты,—всѣ говорили и давно ужъ говорятъ,—предсказывали и предсказываютъ,—что война Россіи съ Германіей и Австро-Венгріей неизбѣжна, и рано или поздно, но будетъ *(рѣзкимъ, грубымъ нервнымъ голосомъ)*, вотъ что, милѣйшая Лидія Павловна!

Лидія Павловна. Какой тонъ у тебя?!. Боже мой! Ты воображаешь, что эскадронъ драгунъ въ атаку ведешь! Чего ты такъ кричишь? Говори спокойнѣе, я слышу,—не глухая. Фу, какой ты грубіянъ, Сергѣй Васильевичъ! Что ты, не въ духѣ сегодня, или на лѣвую ногу всталъ? Лучше бы поменьше въ карты игралъ да проигрывалъ! Какъ это ты еще дома до сихъ поръ сидишь?!. Пора! Пора! Ужъ на-

вѣрное ждутъ партнеры! Торопись поскорѣй! Лучше, чѣмъ здѣсь бурчать и оскорблять.

Екатерина Александровна. Зачѣмъ вы ссоритесь, Сережа и Лида? Какъ только дѣти уходятъ, такъ вы и начинаете... И это каждый день, каждый день.

Сергѣй Васильевичъ. Да что же она, мама, гиль несетъ! Дичь поретъ! Молчала бы, а то тоже: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней... Да и никакой ссоры нѣтъ! Говоримъ, какъ, вообще, говорятъ свои люди, родные. А вотъ, что касается того, что я въ карты играю,—это не ея дѣло, а лично мое. Какая опекунша! Скажите, пожайлуста! Что я тебѣ: гимназистъ, что-ли?

Лидія Павловна *(нервно восклицаетъ сквозь слезы).* Да оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ, я серьезными мыслями занята!

Сергѣй Васильевичъ. Съ чѣмъ супъ завтра готовить?!.

Лидія Павловна. Да хотя бы и такъ! Грубіянъ!

Сергѣй Васильевичъ. Ну, ладно, Занимайся себѣ серьезными мыслями, а я пойду пройдусь.

Лидія Павловна. Иди! Иди! Я же говорила тебѣ, что пора! Тебя давно партнеры ждутъ.

Сергѣй Васильевичъ. Ну, ладно, ладно! Не пѣтушись и не сердись! Я скоро приду.

Лидія Павловна *(тяжело вздыхая).* Знаемъ, голубчикъ, твой скорый приходъ!.. Не забывай только, пожалуйста, что завтра у насъ дорогой гость.

Сергѣй Васильевичъ. Знаю! Знаю! *(Встаетъ и уходитъ небрежно отвернувъ газету).*

(На сценѣ остаются мать и жена Сергѣя Васильевича).

Лидія Павловна *(нервно).* Вотъ, опять пошелъ! Опять на всю ночь! Боже! Когда это все кончится?!. Это хуже всякой войны!..

Екатерина Александровна. А вы постарайтесь повліять на мужа. Удержите его.

Лидія Павловна. Да какъ повліять? Какъ удержать его дома? Боже мой! Ну, вы, бабушка, скажите, подскажите, посовѣтуйте мнѣ, ради Бога! Помогите мнѣ! Боже мой! Боже мой! Вѣдь, это же невозможно, наконецъ! Когда это все кончится?!.

Екатерина Александровна. Да очень просто! Поставьте ему такой ультиматумъ: что если онъ будетъ продолжать по ночамъ пропадать и какія-то секретныя, по всей вѣроятности, денежныя дѣла вести съ этимъ негодяемъ, рыжимъ нѣмцемъ Мельбаумомъ, то скажите ему, что вы оставите здѣсь, въ Калишѣ, его одного и уѣдете съ дѣтьми и со мной въ Петроградъ,—а я, въ свою очередь, поддержу васъ.

Лидія Павловна. Съ удовольствіемъ, такъ и поступлю, какъ вы говорите, дорогая бабушка. Боже мой! Отчего же вы, дорогая, этого мнѣ раньше не посовѣтовали?!

(Стемнѣло. На террасу вбѣгаютъ, съ веселымъ смѣхомъ, Миша и Петя).

Лидія Павловна. Миша! Скажи Фросѣ, чтобы подала сюда фонари.

Миша. Сейчасъ, дорогая мамочка!

(Убѣгаетъ, а за нимъ и Петя. Черезъ нѣсколько минутъ на террасу входитъ Фрося со двумя горящими садовыми подсвѣчниками, а за нею, пристукивая каблуками, идутъ Миша и Петя, гуськомъ).

Лидія Павловна *(глядя на дѣтей и улыбаясь)*. Тише вы, шалуны! Не стучите!

Миша и Петя. Рады стараться! Слушаемся! *(Подбѣгаютъ къ матери и цѣлуютъ ее)*.

Фрося *(поставивъ свѣчи на столъ)*. Барыня, сказать Дунѣ. чтобы ужинъ готовила?

Лидія Павловна. Да, пожалуй, скажите, милая. Пора. И самоварчикъ оживите. Скоро уже барышни наши

придутъ изъ церкви. Накрывайте на столъ, и какъ только придутъ барышни—подавайте все.

Фрося. Слушаю-съ! *(Уходитъ. Спустя нѣсколько минутъ приходитъ, готовитъ все къ ужину и уходитъ).*

Екатерина Александровна. А я пойду лягу. Что-то нездоровится мнѣ.

Лидія Павловна. Что же вы, не ужиная? Хоть молока стаканчикъ выпейте! Нельзя же такъ!

Екатерина Александровна. Да нѣтъ, спасибо! Пойду лягу. Ничего не хочу. Что-то нездоровится. Спокойной ночи, Лида, Миша, Пѣтушокъ! (*Встаетъ и уходитъ, раскланиваясь съ дѣтьми и Лидіей Павловной*).

Лидія Павловна. Спокойной ночи, дорогая бабушка, спокойной ночи!

Петя и Миша (*подбѣгая къ бабушкѣ, цѣлуютъ ее*). Спокойной ночи, дорогая бабушка, спокойной ночи! (*Поцѣловавъ бабушку, Петя и Миша садятся за столъ на свои постоянныя мѣста*).

(На террасу, скорою походкой, почти вбѣгая, входятъ Елена и Марія).

Елена. Ахъ, мамочка, дорогая, какъ ѣсть и пить намъ хочется! Проголодались.

Лидія Павловна. Сейчасъ, милыя мои, все будетъ готово: и ѣда и питье. Все ждетъ васъ. Идите переодѣвайтесь. Освободите себя отъ лишняго.

Марія. Пойдемъ, Леночка, переодѣнемся!

Елена. Пойдемъ, Мурочка. (*Уходятъ, подпрыгивая; за ними убѣгаютъ Миша и Петя).*

Елена (*поетъ, уходя*). О, ночь, волшебная, полная нѣги, будишь ты грезы о счастьѣ минувшемъ.

Лидія Павловна (*одна, говоритъ сама съ собой*). Влюблена Леночка. Весела. Завтра желанный пріѣдетъ. Когда-то и я переживала такіе счастливые дни и часы... А теперь, вотъ!.. Какая противоположность чувствъ!.. Еже-

дневно Сергѣй Васильевичъ является на зарѣ, подъ хмѣлькомъ. Цѣлый день бурчитъ. Ходитъ невеселый и хмурый, задумчивый какой-то... Какъ все въ жизни съ годами мѣняется! Боже мой! Боже мой! Давно-ли онъ былъ, мой Сержъ, молоденькимъ и бравымъ корнетомъ?.. Давно-ли я окончила институтъ?.. Подруги... Зина, Ольга... Попрощались съ институтомъ; разлетѣлись кто куда... Первое время переписывались, а тамъ... и заглохло все... Началась новая эра жизни. Я влюблена... Онъ блестящій кавалерійскій офицеръ. Дальше... Счастливая любовь... Веселье... Страстныя ласки мужа... Невѣдомыя, жгучія, сладкія ласки... А тамъ... Появленіе на свѣтъ Божій Леночки... А дальше... горе, горе и горе... Смерть мамы... Непріятности по службѣ у мужа. Уходъ его изъ полка. Служба въ полиціи въ столицѣ. Опять непріятности... кутежи его... пьянство. Разладъ съ новымъ начальствомъ. Доносъ пристава на мужа и позорное увольненіе... Пріѣздъ въ Калишъ... Покупка земли и дома... (*Вбѣгаютъ Елена и Марія*).

Елена (*поетъ*). Приди, мой милый, я въ ожиданьи,
Жажду свиданья, жажду лобзанья...
Ахъ. приди, мой милый, я въ ожиданьи,
Дай поцѣлуемъ твоимъ упиться,
Въ страстныхъ объятьяхъ твоихъ умереть*).

Лидія Павловна (*глядя на Елену*). Ахъ, ты, мое солнышко ясное! (*Елена подбѣгаетъ къ матери и цѣлуетъ ее. Лидія Павловна беретъ дочь за голову, смотритъ ей пристально въ глаза и говоритъ*): Ты моя ненаглядная! Торжествуешь, дѣточка... Завтра онъ пріѣдетъ... желанный твой... да?

Елена (*цѣлуя мать громко и звонко*). Да, да, милая мамочка! Я такъ рада... такъ рада... такъ радостно сердечко бьется... (*Говоритъ страстно, задыхаясь*). Я такъ сча-

*) Авторъ этого романса мнѣ не извѣстенъ. *В. Ч.*

стлива... Я такъ его безумно люблю... И онъ, мамочка, меня безумно любитъ.

Лидія Павловна. Дай Богъ, дай Богъ вамъ счастья!..

Марія. Какъ я рада, Лидія Павловна, за Леночку, что она такъ счастлива.

Лидія Павловна. Благодарю васъ, Мурочка!

Марія. А вотъ мой женишокъ что-то долго не пишетъ мнѣ.

Елена и Лидія Павловна (*одновременно*). Получите, получите, дастъ Богъ! Вѣдь, онъ вамъ часто пишетъ. Потерпите маленько!

Марія. Да!.. Но я, вотъ, къ сожалѣнію, не изъ терпѣливыхъ.

(Входитъ Фрося).

Фрося. Барыня, ужинъ готовъ... Можно подавать?

Лидія Павловна. Подавайте, Фрося, и дѣтей зовите ужинать.

Фрося. Слушаю-съ! (*Уходитъ*).

Елена. Ахъ, мамочка, какъ мнѣ ѣсть хочется! Кажется, какъ никогда.

Марія. Да!.. У меня тоже хорошій аппетитъ.

Лидія Павловна. Это, милыя дѣвочки, потому, что вы прошлись немного.

(Входитъ Фрося и ставитъ въ центръ стола большое блюдо. Разомъ съ нею вбѣгаютъ Миша и Петя и садятся за столъ. Всѣ ѣдятъ).

Фрося (*уходя*). Барыня, и самоваръ можно подавать?

Лидія Павловна. Да, подавайте!

Фрося. Сейчасъ подамъ. (*Уходитъ*).

Елена. Мамочка, а папа—по обыкновенію...

Лидія Павловна (*грустно, протяжно*). Да, милая Леночка.

Марія. А Екатеринѣ Александровнѣ опять, навѣрное, нездоровится?

Лидія Павловна. До, что-то похварываетъ она. Да и сыномъ-то, нашимъ папенькой, не особенно довольна.

(Входитъ Фрося, вноситъ самоваръ, ставитъ его на столъ и уходитъ).

Марія. Какой несимпатичный этотъ нѣмецъ рыжій, что приходилъ вчера къ Сергѣю Васильевичу.

Лидія Павловна. Ахъ, вы его развѣ видѣли? Гдѣ же?

Марія. Да въ саду вашемъ... Мы сидѣли съ Леночкой на скамеечкѣ и читали, а Сергѣй Васильевичъ по аллеѣ, мимо насъ, прошелъ съ нимъ. Этотъ рыжій нѣмецъ посмотрѣлъ на насъ въ свое пенснэ съ какимъ-то явнымъ пренебреженіемъ и злою гримасой и гордо, надменно кивнулъ намъ головой.

Елена. О, мамочка, правда, какой онъ противный, этотъ рыжій нѣмецъ. Вотъ уродъ! Да и страшный при этомъ уродъ! Если бы я его ночью гдѣ-нибудь въ пустынномъ, глухомъ переулкѣ встрѣтила,—я бы на смерть перепугалась.

Лидія Павловна. Да, дѣйствительно, страшный и уродъ, и извѣстный въ Калишѣ негодяй!

Елена и Марія (*разомъ*). А чѣмъ же онъ занимается вообще?

Лидія Павловна. Ахъ, милыя, лучше не спрашивайте меня объ этомъ. Этотъ рыжій, противный нѣмецъ Мельбаумъ—негодяй,—вотъ и все! Занимается онъ всякими подлыми, худыми, преступными дѣлами, о которыхъ и говорить въ порядочномъ домѣ непристойно. А Сергѣй Васильевичъ, вотъ, тоже съ нимъ о чемъ-то секретничаетъ, что меня очень мучаетъ и безпокоитъ, а также бабушку. Мнѣ кажется, бабушка изъ-за этого и больна. Она молча страдаетъ, бѣдняга.

Елена. Но, мамочка, неужели же папочка на какую-либо безчестную сдѣлку пойдетъ съ нимъ? Что ты, дорогая?

Лидія Павловна. Ахъ, Леночка, лучше перемѣнимъ тему разговора. Вотъ, посовѣтуйте, милыя дѣвочки, мнѣ, какой на завтра обѣдъ заказать Дунѣ? Вѣдь, завтра же

Николай Георгіевичъ пріѣдетъ, а онъ любитъ вкусно поѣсть.

Елена (*сразу оживившись*). Ахъ, милая мамочка, я тебѣ сейчасъ скажу! Послушай меня, милая, я знаю, вѣдь, что онъ любитъ!

Лидія Павловна. Говори, Леночка, слушаю тебя.

Елена. А вотъ что, милая мамочка: Количка любитъ борщъ малороссійскій, гречневую кашу съ хорошимъ масломъ, пожарскія котлетки съ сладкимъ горошкомъ, а на сладкое—шеколадный кремъ, который и всѣ мы любимъ. Затѣмъ, водки надо купить и пива. Количка любитъ передъ обѣдомъ выпить рюмки двѣ водки, а послѣ обѣда любитъ нѣсколько бокаловъ пива холоденькаго выпить. А для насъ съ Мурочкой, милая мамочка, токайскаго купи, и мы выпьемъ по рюмкѣ вина по случаю его пріѣзда.

Лидія Павловна. Отлично! Согласна съ тобой, моя дорогая! Все будетъ, милая дѣвочка, по-твоему рецепту.

Елена. Мурочка, а тебѣ, быть можетъ, не нравится обѣдъ по-моему рецепту, такъ ты скажи?

Марія. Что ты, Леночка! Такой вкусный обѣдъ! Прекрасно! А вотъ только знаешь что, моя милая, мы съ тобой къ крему сдѣлаемъ трубочки изъ маленькихъ блинчиковъ. (*Восклицаетъ, мило улыбаясь*). Это такъ вкусно!

Елена. Ахъ, дуся, дай я тебя поцѣлую за это... Какая ты умница! Вотъ Количкѣ понравится! Онъ такъ любитъ всякія сладкія блюда. (*Обѣ смѣются*).

Лидія Павловна (*глядя на нихъ, улыбаясь*). Ахъ, вы, мои кухарочки! Я сейчасъ пойду къ Дунѣ и все закажу.

Елена (*капризно*). Мамочка, и мы съ тобой въ кухню пойдемъ!

Лидія Павловна. Пойдемте, милыя, пойдемте, пожалуйста!

Миша и Петя. А шеколадный кремъ въ трубочкахъ это очень вкусно! (*Оба улыбаются*).

Марія. Ну, вотъ, дѣточки, завтра будете кушать шеколадный кремъ въ трубочкахъ. Это, правда, очень вкусно!

Миша. Мамочка, мы съ Петей спать пойдемъ. Спасибо тебѣ за ужинъ.

Лидія Павловна. Идите съ Богомъ, милые, идите!

(Миша и Петя желаютъ всѣмъ спокойной ночи, всѣхъ цѣлуютъ и уходятъ).

Лидія Павловна. Ну-съ, господа, а мы теперь пойдемте въ кухню, къ Дунѣ.

(Подымаются изъ-за стола. Входитъ Фрося).

Фрося. Барыня, можно убирать со стола?

Лидія Павловна. Убирайте, Фрося. А Дуня дома?

Фрося. Она, барыня, квасъ приготовляетъ.

Лидія Павловна. Прекрасно! Вотъ, Мурочка, будете у насъ квасъ домашній пить. Дуня его чудно приготовляетъ!

Марія. Мерси, Лидія Павловна.

Елена. Дѣйствительно, Мурочка, Дуня дивный квасъ дѣлаетъ, я уже пивала ея квасъ.

(Лидія Павловна, Елена и Марія уходятъ. Остается только Фрося, которая убираетъ посуду со стола и, убравши все, тоже уходитъ. Погодя, на террасу входятъ Лидія Павловна, Елена и Марія).

Лидія Павловна. Ну-съ, милыя дѣвочки, пойдемте теперь въ садъ, погуляемъ немножко, походимъ, — благо есть свой садъ и не надо далеко итти.

Елена и Марія. Съ удовольствіемъ!

(Спускаются съ террасы въ садъ. Спустя нѣкоторое время, они снова появляются на террасѣ. Лидія Павловна съ Еленой берутъ подсвѣчники и всѣ трое уходятъ во внутренніе покои. Идя говорятъ).

Лидія Павловна. Ну, а теперь можно и спать итти Кто хочетъ—можетъ передъ сномъ почитать. Я, напримѣръ, люблю передъ сномъ почитать немного что-нибудь.

Елена. А мы, мамочка, всегда съ Мурочкой читаемъ передъ сномъ.

Лидія Павловна. Ну, вотъ, и прекрасно! Только думаю, дорогая, что сегодня тебѣ не очень-то спокойно будетъ читаться.

Елена (*капризно*). Ну, мамочка!.. Ты смѣешься надо мной... Какая ты!..

Лидія Павловна. Ахъ, ты, моя маленькая...

(Рѣчь обрывается. Запираются двери, выходящія изъ внутреннихъ покоевъ на террасу. Въ саду, противъ террасы, показывается неуклюжая фигура дворника Федора. Садъ слабо освѣщенъ отъ фонаря съ улицы).

Ѳедоръ (*бъсъдуетъ самъ съ собой*). А ну-жъ, чы прыйде сегодни Фроська до мене? Вже господа пишлы спать. Кажуть, шо завтра чорты якогось паныча прынысуть у гости до панивъ моихъ, та ще кажуть дуже красывый винъ... Колыбъ ще не одбывъ у мене мою Фроську?..

(Чешетъ затылокъ, а затѣмъ молодецки закручиваетъ свои усы. Изъ-за угла террасы показывается Фроська).

Фрося. Что ты дѣлаешь здѣсь?

Ѳедоръ. Ничого!.. Тебе жду!.. Чого ты такъ довго не выхòдыла?

Фрося (*старается перекривить Оедора*). Чого не выхòдила!?. Оттого не выходила, что только сейчасъ господа спать легли. (*Недовольнымъ тономъ*). Вотъ, чудакъ ты какой!

Ѳедоръ. А шо то такое чудакъ?.. Нимець, мабудь, по-паньскому?...

Фрося. Ахъ, ха-ха-ха-ха!!. (*Сильно смѣется*).

Ѳедоръ (*обиженно*). Чого ты регочешься? Що я тоби за насмишка? Дурень, чы що? Дывысь яка мамзеля!!.

Фрося (*продолжаетъ смѣяться*). Ахъ, ха-ха-ха!!. Я мамзеля, мамзеля! Ахъ, ха-ха-ха!!.

Ѳедоръ (*обиженно*). Свыня ты, ось що!

Фрося (*перестаетъ смѣяться и, въ свою очередь, обиженно говоритъ*). Я—свинья? Спасибо тебѣ, Ѳедя. Это ты за мою любовь къ тебѣ такъ называешь меня? Спасибо тебѣ, Ѳедя... за ласку... (*Фрося достаетъ изъ кармана своего передника носовой платочекъ и утираетъ глаза. Чуть слышно плачетъ*).

Ѳедоръ (*сильно испугавшись*), Та я такъ сказавъ! Шутейно! Не обыжайся, пожалуйста! Звыны мене! (*Подходитъ ближе къ ней и силится обнять и поцѣловать ее*).

Фрося (*отстраняетъ его рукой и говоритъ*). Пожалуйста, безъ этого!

Ѳедоръ. А якъ шо съ этимъ?

(Схватываетъ Фросю за плечи, прижимаетъ къ себѣ и нѣсколько разъ цѣлуетъ. Фрося пытается вырваться, дѣлаетъ разныя движенія руками, подпрыгиваетъ. Ѳедоръ выпускаетъ ее изъ своихъ объятій).

Фрося (*поправляя на себѣ кофточку*). Тьфу, нахалъ! (*Говоритъ капризно, недовольно*). Какой медвѣдь! Всю мою кофточку измялъ! Только сегодня выгладила!

Федоръ (*весело улыбаясь и тяжело дыша отъ прилива страсти*). Ничого, моя мыла, мое серденько! Завтра ще разъ выгладышъ!

Фрося. Да!!. Тебѣ легко говорить!!.

Ѳедоръ. А вже-жъ що легко.

Фрося. Какой ты смѣшной, Ѳедоръ!

Ѳедоръ. Такый якый есть! Якый произойшовъ—по-панському, а по-нашому—народывся отъ батька и матери.

Фрося (*Начинаетъ съ нимъ заигрывать. Смѣется. Кокетничаетъ. Ущипнула его*). Ухъ, ты, жирный такой!

Ѳедоръ (*ловитъ ее за талію*). А ты тоненька! Де треба—товстенька!

Фрося (*извивается, вырывается и смѣется*). Ахъ! ха-ха-ха! Не смѣй! Мамѣ скажу!

Ѳедоръ. Маты твоя далеко! Не почуе! (*Цѣлуетъ ее. Затѣмъ, выпустивъ изъ рукъ Фросю, Оедоръ, положивъ свою правую руку ей на плечо, говоритъ*). А знаешь що, мое серденько? Лучше, чимъ оттутычки граться та дурну ломать, ходимъ до мене, моя мыла, въ сторожку, въ мою келью, ночувать. (*Причмокиваетъ*). Ой, и добре-жъ выспымось удвоихъ.

Фрося. Ишь, ты!.. Хитрый какой!.. А какъ баринъ застанетъ насъ?.. Барина, вѣдь, какъ всегда, дома нѣтъ.

Ѳедоръ. Не застане!.. Ты пидъ кушетку сховаеся. (*Снова обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Фрося слабо сопротивляется и оба все цѣлуются и обнимаются*).

Фрося. Я боюсь итти къ тебѣ въ сторожку.

Ѳедоръ (*стоитъ, обнявши ее и говоритъ*). Не бійся, мое серденько! (*Снова цѣлуетъ*). Ой, якъ я тебе люблю, мое серденько! (*Нѣжно прижимаетъ къ себѣ*). Якъ бы ты мене, Фросю, хоть трошки такъ любыла, якъ я тебе... (*Медленно уходятъ обнявшись*).

Фрося. И я тебя люблю, мой милый... Сильно люблю!..

Ѳедоръ. Любышь?! Справда любышь?!

Фрося. Да, люблю...

Ѳедоръ. О, мое серденько, моя люба, моя кохана...

(Цѣлуются и скрываются въ саду. На сценѣ постепенно свѣтаетъ. Слышится звонокъ. Спустя минуту еще и еще, все сильнѣе. Затѣмъ слышны голоса).

Сергѣй Васильевичъ (*рѣзко, громко и грубо*). Спишь, скотина, какъ убитый! Насилу дозвонился!

Ѳедоръ. Звынить, пожайлуста, Ваше Высокоблагородіе!?.

Сергѣй Васильевичъ. Зазвенѣть бы тебя по уху, подлеца!.

Ѳедоръ. Точно такъ, Ваше Высокоблагородіе!

Сергѣй Васильевичъ. Дуракъ!.. Идіотъ!.. Негодяй!..

(Оба показываются противъ террасы. Впереди первыми, большими шагами идетъ Сергѣй Васильевичъ, а позади, въ изорванныхъ старыхъ туфляхъ, въ растегнутой рубахѣ на выпускъ, и всклокоченными волосами, Ѳедоръ).

Ѳедоръ. Точно такъ, Ваше Высокоблагородіе! Звынить!

Сергѣй Васильевичъ (*нервно, раздражительно и громко*). Пшелъ вонъ! Мерзавецъ! Не приставай ко мнѣ!

Ѳедоръ. Слушаю-съ, Ваше Высокоблагородіе!

(Поворачивается и уходитъ, уныло свѣсивъ голову. На террасу входитъ Сергѣй Васильевичъ, достаетъ ключъ изъ кармана и говоритъ):

Сергѣй Васильевичъ. Вотъ негодяй, какъ крѣпко спалъ, насилу дозвонился! Это послѣ крупнаго проигрыша извольте цѣлыхъ четверть часа звонить у калитки! А чтобъ ты лопнулъ, подлецъ! Негодяй! Завтра же вонъ выгоню! С-с-катина эдакая!..

(Отпираетъ двери и скрывается за дверью. На сцѣнѣ дѣлается свѣтло. Всходитъ солнце. Мимо террасы, съ всклокоченными волосами, совершенно распущенными, и разстегнутою кофточкой проходитъ Фроська, крадучись и озираясь по сторонамъ).

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II-ое.

(Чудное іюньское утро. Фрося на террасѣ накрываетъ столъ бѣлоснѣжною скатертью; она все время потягивается и зѣваетъ послѣ проведенной съ Ѳедоромъ безсонной ночи. Накрывши скатертью столъ, беретъ со стула большой подносъ, полный разной чайной посуды и ставитъ его на столъ, а затѣмъ снимаетъ все съ подноса и приводитъ въ должный порядокъ. Противъ террасы показываются Николай Георгіевичъ съ небольшимъ сакъ-вояжемъ въ рукахъ, а позади него—Ѳедоръ съ огромнѣйшимъ чемоданомъ и пледомъ. Оба приближаются и всходятъ на террасу. Фрося глядитъ на нихъ удивленно).

Николай Георгіевичъ. Здравствуйте, голубушка!

Фрося (*кокетливо, съ лукавою улыбочкой*). Здравствуйте, баринъ!

Николай Георгіевичъ. А ваши господа, навѣрное, еще спятъ?

Фрося. Баринъ и барышни еще спятъ, а барчуки и барыня уже встаютъ.

Николай Георгіевичъ. Они, навѣрное, меня только къ обѣду ожидали, — къ тремъ, четыремъ часамъ, — не знаете-ли, милая?

Фрося. Да!.. Барышня, Елена Сергѣевна, говорили мнѣ, что вы днемъ пріѣдете, къ обѣду.

Николай Георгіевичъ. А я вотъ раньше пріѣхалъ.

Фрося (*кокетничая и улыбаясь*). Что же?!. Это очень хорошо... Какъ разъ къ чаю попали. А барышни наши будутъ рады-то... когда узнаютъ... Боже мой, Боже мой!.. Вотъ уже будутъ онѣ рады... Сейчасъ побѣгу и скажу имъ. (*Фрося хочетъ уйти*).

Николай Георгіевичъ. О нѣтъ, нѣтъ!.. Не дѣлайте этого!.. Не говорите, пожайлуста, барышнѣ, что я пріѣхалъ. Она выйдетъ чай пить и тогда сама увидитъ меня здѣсь. Это будетъ и лучше и интереснѣе.

Фрося (*кокетливо смѣется*). Ха-ха-ха-ха! Слушаю-съ! (*Принимая кокетливую позу, выставляя впередъ грудь и лукаво улыбаясь, спрашиваетъ*). И барынѣ не говорить о вашемъ пріѣздѣ?

Николай Георгіевичъ. Да, абсолютно никому не говорите.

39729

Фрося (*подаетъ ему стулъ*). Садитесь, баринъ, пожалуйста! Вы, навѣрное, устали съ дороги?!.

Николай Георгіевичъ (*садится*). Благодарю васъ, милая.

(Николай Георгіевичъ вынимаетъ портсигаръ и закуриваетъ папиросу. Ѳедоръ во время всей этой сцены, поставивъ въ уголъ террасы вещи, злобными глазами смотрѣлъ, переминаясь съ ноги на ногу, то на Фросю, то на Николая Георгіевича. Когда же Фрося, кокетливо улыбаясь, подала Николаю Георгіевичу стулъ и послѣдній сказалъ ей: „Благодарю васъ, милая“,—Ѳедоръ не вытерпѣлъ, сильно закашлялся искусственнымъ кашлемъ, съ рычаньемъ, и началъ чесать свой затылокъ).

Фрося. А ты, Ѳедоръ, поставилъ вещи барина и уходи! (*Сердито, недовольно, глядитъ на Ѳедора*). Чего ты здѣсь торчишь?

Ѳедоръ (*злобно и пристально взглянувъ на Фросю*). Пиду, пиду!.. Чого ты крычышь такычке? (*Злобно глядя на Фросю, уходитъ*).

Николай Георгіевичъ (*спохватившись, оглядывается назадъ, встаетъ, торопливо достаетъ портмонэ изъ кармана и говоритъ*). Подожди, голубчикъ!.. Подожди, не уходи!.. Я и забылъ про тебя и про свои вещи. Что значитъ влюбленный?!. (*Качаетъ головой и роется въ портмонэ*).

Ѳедоръ (*сначала останавливается, а затѣмъ ближе подходитъ къ Николаю Георгіевичу и говоритъ*). А чего звольте, барынъ?

Николай Георгіевичъ (*протягивая ему монету*). Вотъ тебѣ рубликъ на чаекъ!

Ѳедоръ (*снимаетъ фуражку, беретъ монету, кланяется и говоритъ*). Покорнѣйше благодарю, вашу мылость, барына!

Николай Георгіевичъ (*улыбаясь, съ любопытствомъ разглядываетъ Ѳедора и говоритъ*). На здоровье тебѣ, голубчикъ!

(Ѳедоръ уходитъ и, уходя, бросаетъ грозный взглядъ на Фросю).

Фрося (*повелительно, глядя на Ѳедора*). Ѳедоръ! ты, если пойдешь на кухню, не говори ни Дунѣ, ни барчукамъ, что баринъ пріѣхалъ.

Ѳедоръ. Знаю безъ тебе!.. Не учы вченого!

Фрося (*смѣется*). Ха-ха-ха-ха!.. Отчего-то не въ духѣ нашъ Ѳедоръ сегодня.

Николай Георгіевичъ. А отчего же это онъ такой сердитый? Онъ всегда такой у васъ?

Фрося. Нѣтъ! Онъ очень хорошій человѣкъ. Господа наши—всѣ его любятъ. Только, кажется, баринъ сегодня ночью поздно пришли и очень долго звонили, а Ѳедоръ крѣпко спалъ. Вотъ ему и попало отъ барина хорошенько, чтобы не спалъ такъ крѣпко. Вотъ онъ и ходитъ теперь такой смѣшной и невеселый, сердитый. Онъ очень боится нашего барина.

Николай Георгіевичъ (*улыбаясь*). А!.. вотъ въ чемъ дѣло.

Фрося. Баринъ у насъ добрый. Покричатъ, покричатъ, а на слѣдующій день все позабудутъ. Прощаютъ наши грѣхи.

Николай Георгіевичъ. А развѣ и вамъ иногда попадаетъ?

Фрося (*все время кокетничаетъ и улыбается*). Случается!.. Всяко бываетъ!.. Не безъ этого!..

(На террасу входитъ Лидія Павловна. Николай Георгіевичъ, при видѣ ея, стремительно подымается и съ распростертыми объятіями идетъ къ ней. Лидія Павловна, растерявшись, останавливается на порогѣ двери).

Николай Георгіевичъ. Здравствуйте, дорогая Лидія Павловна! (*Цѣлуетъ Лидіи Павловнѣ руку, а она ему голову*).

Лидія Павловна. Здравствуйте, дорогой! Вотъ озадачили! Вотъ сюрпризъ! Вотъ не ожидала раньше трехъ часовъ дня увидѣть васъ! Ахъ вы, проказникъ мой дорогой! Вѣдь, вы же писали, что будете къ тремъ часамъ дня?

Николай Георгіевичъ. Да!.. Но вотъ, удалось немного раньше прибыть.

Лидія Павловна (*ласково улыбаясь*). Боже, какъ хорошо!.. Прямо къ чаю! А Лена, Лена?!. Я не знаю, что съ нею будетъ дѣлаться, когда она узнаетъ, что вы сидите на террасѣ и чай пьете? (*Лидія Павловна обращается къ Фросѣ которая возится съ чайною посудой*). Фрося! Бѣгите скорѣе и будите барышенъ! Скажите имъ, что баринъ Николай Георгіевичъ пріѣхалъ.

Николай Георгіевичъ (*торопливо*). О, Лидія Павловна, пожалуйста, я васъ прошу не дѣлать этого!

Лидія Павловна (*передернувъ плечами, испуганно*). А почему, мой дорогой!?.

Николай Георгіевичъ (*нѣжно улыбаясь*). Ленуся выйдетъ чай пить и неожиданно увидитъ меня, какъ вы вотъ... Это будетъ очень интересно... Я бы хотѣлъ такъ...

Лидія Павловна. Ахъ, правда!.. Правда ваша!!. Такъ лучше. (*Обращаясь къ Фросѣ*). Такъ вы, Фрося, молчокъ.

Фрося. Слушаю-съ!

Лидія Павловна. А вещи Ѳедоръ вносилъ?

Фрося. Да, барыня.

Лидія Павловна. Такъ и Ѳедору скажите, чтобы онъ молчалъ.

Николай Георгіевичъ. Ахъ, не безпокойтесь, пожалуйста, дорогая Лидія Павловна, я обо всемъ этомъ уже позаботился...

Лидія Павловна. Ахъ, вотъ какъ!.. Прелестно, прелестно... Въ такомъ случаѣ, садитесь, пожалуйста, будемъ чай пить. А вы, Фрося, подавайте самоваръ и кофе.

Фрося. Слушаю-съ!

(Фрося уходитъ).

Николай Георгіевичъ. Гдѣ разрѣшите сѣсть?

Лидія Павловна. А вотъ здѣсь! (*указываетъ ему мѣсто*). Рядомъ съ вашимъ мѣстомъ будетъ Леночкино мѣсто.

(Николай Георгіевичъ садится на указанное мѣсто).

Николай Георгіевичъ (*чуть привстаетъ со стула и кланяется ей*). Благодарю Васъ.

(Лидія Павловна также садится на свое постоянное мѣсто—противъ большого чайнаго подноса и чайной посуды. Фрося вноситъ самоваръ и ставитъ противъ Лидіи Павловны).

Лидія Павловна. Что, Фрося, не замѣтили, спятъ еще барышни или подымаются?

Фрося. Уже умываются.

Лидія Павловна. Прекрасно!.. Въ такомъ случаѣ, подавайте и кофе.

(Фрося уходитъ).

Лидія Павловна. Ну-съ, Николай Георгіевичъ, можно вамъ чайку налить? а потомъ, если пожелаете кофе? или какъ хотите? Фрося сейчасъ и кофе подастъ.

Николай Георгіевичъ. Нѣтъ, ужъ, мнѣ чайку, пожайлуста.

Лидія Павловна (*наливая ему чай*). Пожалуйста, пожалуйста.

Лидія Павловна. Пожалуйста, хлѣбъ, масло, сыръ.

Николай Георгіевичъ. Мерси, Лидія Павловна! Не безпокойтесь, пожалуйста!

(Беретъ хлѣбъ и намазываетъ масломъ. Лидія Павловна даетъ ему стаканъ съ чаемъ. Николай Георгіевичъ беретъ и говоритъ).

Николай Георгіевичъ. Благодарю васъ.

Лидія Павловна. Сахаръ, ужъ, сами берите по вкусу.

Николай Георгіевичъ. Мерси!

(Приподымается со стула, беретъ изъ сахарницы сахаръ, размѣшиваетъ его въ стаканѣ и пьетъ чай).

Лидія Павловна. А я, ужъ, кофе подожду. Да вотъ и кофе!

(Фрося вноситъ кофейникъ и, поставивъ его около Лидіи Павловны, уходитъ. Лидія Павловна беретъ кофейникъ и наливаетъ себѣ въ чашечку кофе. Пьетъ).

Николай Георгіевичъ. Что у васъ тутъ новенькаго, хорошаго?

Лидія Павловна. Да все по старому. Чего-либо выдающагося, особеннаго—нѣтъ. Вотъ, развѣ скажу вамъ, не откладывая въ долгій ящикъ, непріятную для васъ новость.

Николай Георгіевичъ (*испуганно*). Что вы!?. Какую непріятную новость!?.

Лидія Павловна. Потому, позволяю себѣ говорить, непріятную для васъ новость, что считаю васъ своимъ и мало того... роднымъ, близкимъ человѣкомъ—зятемъ.

Николай Георгіевичъ (*кланяется ей*). Очень тронутъ вашими, дорогими моему сердцу, ласковыми словами

и цѣню ихъ. (*Сильно взволнованно*). Но, ради Бога, не мучьте, говорите, что такое?

Лидія Павловна. Да вотъ что: Сергѣй Васильевичъ, мой муженекъ, а вашъ будущій тесть, очень плохо себя ведетъ: ежедневно, не пропуская ни единаго дня, пропадаетъ по ночамъ въ клубѣ и все проигрываетъ... проигрываетъ... Кажется, скоро и насъ всѣхъ проиграетъ и поставитъ на карту.

Николай Георгіевичъ (*съ выраженіемъ большого испуга и удивленія*). Что вы?!. Какъ это ужасно! Этого, вѣдь, раньше съ нимъ не было... Онъ не увлекался такъ картами.

Лидія Павловна. Да!.. А теперь, вотъ, цѣлое несчастье съ этими картами!..

Николай Георгіевичъ. Но, вы не пытались уговорить его—бросить игру. Урезонить его.

Лидія Павловна. Ахъ, дорогой мой, неужели вы не знаете еще его противнаго характера?..

Николай Георгіевичъ. А что же?!.

Лидія Павловна. Да, ужъ, какъ онъ хочетъ и что захочетъ, такъ все и должно быть. Ни пикни и не возражай.

Николай Георгіевичъ. Но, вѣдь, это нехорошо!.. Вѣдь, онъ не одинъ!..

Лидія Павловна. А вотъ онъ объ этомъ забываетъ и не считается съ этимъ. Говоритъ, что любитъ, любитъ всѣхъ насъ, и заботится, яко бы, о насъ, а выходитъ-то наоборотъ.

Николай Георгіевичъ. Быть можетъ, я его урезоню. Хотя, конечно, это очень щепетильное дѣло.

Лидія Павловна. Ахъ, Боже васъ сохрани!... И не говорите на эту тему съ нимъ, а то еще разсоритесь.

Николай Георгіевичъ. Да что вы!?.

Лидія Павловна. Да, да!!. Онъ такой нервный сталъ... неузнаваемый. Да, вотъ, выспится и выйдетъ—сами

увидите. Замѣтно! Всѣ замѣчаютъ, что онъ сталъ особенно нервнымъ, угрюмымъ и раздражительнымъ.

Николай Георгіевичъ. Ахъ, какъ это очень непріятно!!. И Ленуся, навѣрное, разстроена?

Лидія Павловна. Да нѣтъ. У Ленуси-то всѣ мысли о васъ... Она такъ еще зелена и молода... Во все не вникаетъ... Да я ее и не посвящаю во все. Но все-таки, и она кое-что знаетъ о похожденіяхъ своего папеньки.

Николай Георгіевичъ. Ахъ, Боже мой, какъ это печально!!.

(На террасу входитъ бабушка Екатерина Александровна, Миша и Петя).

Миша и Петя (*увидя Николая Георгіевича, бѣгутъ къ нему и кричатъ*). Николай Георгіевичъ пріѣхалъ!!. Николай Георгіевичъ!!. (*Цѣлуются съ нимъ и виснутъ на его рукахъ*).

Лидія Павловна. Ну, довольно! Шалуны вы эдакіе! Дайте бабушкѣ поздороваться съ Николаемъ Георгіевичемъ.

(Миша и Петя оставляютъ Николая Георгіевича и желаютъ добраго утра матери и цѣлуютъ ее).

Николай Георгіевичъ. Здравствуйте, дорогая Екатерина Александровна! Какъ поживаете? Какъ здоровьице ваше?

(Екатерина Александровна подходитъ къ Николаю Георгіевичу. Николай Георгіевичъ долго цѣлуетъ ей руку, а она его въ голову).

Екатерина Александровна. Не важно, не важно, милый Николай Георгіевичъ. Старость даетъ себя знать и чувствовать... Умирать ужъ пора... (*Качаетъ головой*).

Николай Георгіевичъ. Да что вы говорите?.. Богъ съ вами, дорогая Екатерина Александровна. Еще жить да жить будемъ съ вами, и веселиться.

Екатерина Александровна (*тяжело вздыхая*). Нѣтъ, милый Николай Георгіевичъ... Мое веселье, ужъ, навѣрное, въ гробу будетъ.

Николай Георгіевичъ. Да не говорите о смерти, дорогая Екатерина Александровна. Будемъ жить... жить надо.

Екатерина Александровна. Жить надо вамъ, молодымъ... не мнѣ, а я—ужъ старуха... отжила свое, мой дорогой.

(Дѣти и Екатерина Александровна усаживаются за столъ. Лидія Павловна наливаетъ имъ чай и подаетъ).

Екатерина Александровна. Какова погода на югѣ?

Николай Георгіевичъ. Жарища ужаснѣйшая, невыносимая.

Екатерина Александровна. Да, въ этомъ году вездѣ, и у насъ тоже. Вотъ пока утро—ничего... а днемъ дышать невозможно, такъ душно, несмотря на то, что мы окружены большимъ тѣнистымъ садомъ. Вотъ и въ Петроградѣ, пишутъ, что такая жара, какой старожилы много лѣтъ не запомнятъ.

Николай Георгіевичъ. А я и не читалъ объ этомъ. Мнѣ некогда было газеты читать. Еле успѣвалъ справляться съ собраннымъ матеріаломъ для моихъ коллекцій.

(Раскрываются двери и входитъ Елена, а позади ее—Марія. Елена, увидя Николая Георгіевича, вскрикиваетъ и бѣжитъ къ нему. Онъ также стремительно встаетъ и идетъ къ ней).

Елена. Ахъ!.. Количка мой, дорогой!

(Оба цѣлуются. Николай Георгіевичъ долго не выпускаетъ ее и цѣлуетъ ей руки).

Николай Георгіевичъ. Наконецъ-то я вижу тебя, моя дорогая Ленуся. (*Снова цѣлуетъ ее*).

Елена (*немного успокоившись*). Количка! Маруся! Познакомтесь. (*Обращаясь къ Николаю Георгіевичу*). Моя единственная дорогая подруга, о которой я тебѣ писала, дорогой: Марія Васильевна Нечипоренко, слушательница выс-

шихъ женскихъ курсовъ въ Петроградѣ. (*Обращаясь къ Маріи*). Мой женихъ—Николай Георгіевичъ Полѣшко.

(Николай Георгіевичъ и Марія пожимаютъ другъ другу руки и знакомятся).

Николай Георгіевичъ. Очень радъ.

Марія. Очень рада.

Николай Георгіевичъ. Какъ же это Ленуся въ Петроградѣ насъ не познакомила?

Марія. Я поздно въ этомъ году пріѣхала, послѣ Новаго года, а вы рано уѣхали.

Николай Георгіевичъ. Очень, очень сожалѣю, что такъ вышло.

(Входитъ Сергѣй Васильевичъ и глядитъ на всѣхъ весьма недружелюбно, но увидя Николая Георгіевича—весело, оживленно улыбается и, широко разставивъ руки, идетъ къ нему, восклицая).

Сергѣй Васильевичъ. А!.. Кого я вижу?!. Дорогой мой!.. Очень радъ, очень радъ, что пожаловали, наконецъ.

(Николай Георгіевичъ встаетъ со стула и идетъ, улыбаясь, къ Сергѣю Васильевичу. Оба, обнявшись, долго цѣлуются и крѣпко жмутъ другъ другу руки. Елена и Марія садятся за столъ и Лидія Павловна наливаетъ и даетъ имъ чай).

Сергѣй Васильевичъ. Ну, что новенькаго? Разсказывайте-ка, дорогой мой! Какъ охотились?

Николай Георгіевичъ. Новостей сообщить никакихъ не могу, такъ какъ все время былъ въ озерахъ, болотахъ и лѣсахъ, а вотъ, что касается охоты,—есть о чемъ поговорить, да только если о всѣхъ моихъ охотахъ и похожденіяхъ говорить, то вамъ и слушать ихъ надоѣстъ: слишкомъ ихъ, ужъ, много было, а скажу вамъ вкратцѣ, что охота весенняя,—въ особенности по селезнямъ,—роскошнѣйшая была.

Сергѣй Васильевичъ. Не хорошо завидовать, но завидую, батенька, вамъ. Когда-то и я безумно увлекался

охотой, какъ и вы, знаете-ли, а теперь... теперь ужъ старъ сталъ для охотъ. Вотъ на облаву еще могу съѣздить, а на болото или въ озеро—плохъ ужъ... старъ сталъ.

Николай Георгіевичъ. Да откуда это вы берете, Сергѣй Васильевичъ, что вы стары стали? Вы такимъ бодрымъ, сильнымъ, здоровымъ выглядите.

Сергѣй Васильевичъ. Нѣтъ ужъ!.. Знаете нашу украинскую пѣсню (*декламируетъ съ чувствомъ*):

Співають пташки весело,
И річенька біжіть;
У мене-жъ мое серденько
И мліе и болить.
До тебе, люба річенька,
Ще вернеця весна,
А молодость—не вернеця,
Не вернеця вона!

Кстати, обращаюсь впередъ къ вамъ, дорогой мой, съ покорнѣйшею просьбой, и надѣюсь вы ее уважите и сегодня вечеркомъ дадите мнѣ возможность прослушать цѣликомъ эту мою любимую малороссійскую пѣсню: „Стоить гора высокая“. У васъ, вѣдь, прекрасный баритончикъ. А я давно ужъ, признаться, не слыхалъ хорошаго малороссійскаго пѣнія. Да, пожалуй, послѣ вашего послѣдняго отъѣзда и не слыхалъ.

Николай Георгіевичъ. Съ большимъ удовольствіемъ! Весь къ вашимъ услугамъ, Сергѣй Васильевичъ. Благодарю за комплиментъ.

Лидія Павловна. А ты развѣ Сергѣй Васильевичъ сегодня вечеръ съ нами проведешь?

Сергѣй Васильевичъ (*сурово*). Я думаю!.. Что за странный вопросъ!?.

Лидія Павловна. Для тебя, милый мой, странный, а для насъ всѣхъ—совсѣмъ не странный.

Сергѣй Васильевичъ. Ну, довольно!!. (*Покачивая головой*). Ахъ, эти женщины!!.

Лидія Павловна. Да, ужъ, признайся Николаю Георгіевичу, что рѣдко по вечерамъ дома бываешь.

Сергѣй Васильевичъ. Съ удовольствіемъ! (*Обращаясь къ Николаю Георгіевичу*). Вотъ, батенька, сердятся они на меня, но вы сами, дорогой мой, разсудите: лѣтъ я уже солидныхъ; что̀ вечеромъ дѣлать?.. Не сидѣть же сиднемъ и томиться здѣсь вотъ, на террасѣ, до двѣнадцати часовъ ночи... И вотъ, я, знаете-ли, по вечерамъ ухожу... Здѣсь у меня есть кое-какіе... не друзья, а такъ, знаете-ли, добрые знакомые... (*Измѣняя голосъ*). Интеллигентные, конечно: докторъ, учитель, два помѣщика. И вотъ, знаете-ли, играемъ безобидно въ картишки,—по маленькой.

Лидія Павловна. Хорошо безобидно, по маленькой!

Сергѣй Васильевичъ. Ахъ, Лидія Павловна, какъ я не люблю, когда ты не даешь мнѣ говорить и вмѣшиваешься, когда я съ кѣмъ-нибудь говорю. Вѣдь, это даже неприлично.

Лидія Павловна. Извини, пожалуйста! Не буду больше.

Сергѣй Васильевичъ. И вотъ, знаете-ли, дорогой мой, они вотъ: Лидія Павловна, мама, Лена и, кажется, Марія Васильевна, и даже Миша и Петя,—всѣ на меня дуются. А что я, собственно говоря, худого дѣлаю? Ей-Богу, ровно ничего!.. Цѣлый день вотъ съ ними, а вечеромъ съ порядочными людьми. Вѣдь, нельзя же кротомъ жить,—отвыкнешь отъ людей, отъ общества, и отупѣешь совершенно. Не правда-ли, дорогой мой?

Николай Георгіевичъ (*покашливая и улыбаясь*). Позвольте мнѣ, Сергѣй Васильевичъ, быть нейтральнымъ и промолчать?

Сергѣй Васильевичъ (*смѣется*). Ха-ха-ха-ха-ха!.. Пожалуйста, пожалуйста, извольте! Дамъ боитесь: невѣсты, тещи, мамы моей? Ну, ничего, ничего!.. И я, будь на вашемъ мѣстѣ, такъ бы, какъ и вы, поступилъ. Я нисколько не сержусь на васъ и не обижаюсь, (*Обращается къ Лидіи Павловнѣ*) Лидія Павловна, налей-ка мнѣ, милая, чайку.

Лидія Павловна. Съ удовольствіемъ, милый. (*Улыбается, наливаетъ и подаетъ ему чай*).

Сергѣй Васильевичъ (*кланяясь Лидіи Павловнѣ, говоритъ ей, улыбаясь*). Очень тебѣ благодаренъ.

Лидія Павловна (*смѣется*). Какой ты сегодня вѣжливый? Ха-ха-ха-ха...

Сергѣй Васильевичъ (*тоже смѣется*). Да какъ всегда, какъ всегда! Ха-ха-ха-ха...

Лидія Павловна (*улыбаясь*). Эхъ, ты!!.

(Всѣ пьютъ чай. Входитъ Фрося).

Фрося. Барыня, васъ Дуня проситъ, пожалуйста, на минуточку.

Лидія Павловна (*подымаясь*). Хорошо. Иду. А вы, Фрося, всѣ вещи барина отнесите сейчасъ въ приготовленную для него комнату. А еще лучше,—такъ какъ вамъ одной будетъ тяжело,—позовите Ѳедора и сдѣлайте это съ Ѳедоромъ.

(Лидія Павловна уходитъ, а Фрося спускается съ террасы и идетъ за Ѳедоромъ).

Елена. Количка, ты сильно усталъ въ дорогѣ?

Николай Георгіевичъ. Нѣтъ, Ленуся! Я прекрасно въ дорогѣ выспался. Ѣхалъ со всѣми удобствами. Публики было совсѣмъ мало. Въ большомъ купе было насъ всего двое: я и еще какой-то молчаливый субъектъ. Я все время спалъ, дуся, а когда проснулся, то увидѣлъ, что мой компаньонъ улетучился.

(Елена и Марія вмѣстѣ разсмѣялись).

Елена и Марія. Ахъ, ха-ха-ха!!. Какъ смѣшно.

(На террасу входятъ Фрося и Ѳедоръ. Ѳедоръ всѣмъ кланяется и вытягивается въ струнку).

Ѳедоръ (*глядя на Сергѣя Васильевича*). Здравія желаю, Ваше Высокоблагородіе!

Сергѣй Васильевичъ (*улыбаясь, глядитъ на Оедора, какъ ни въ чемъ ни бывало, позабывъ про утреннее недоразумѣніе съ нимъ и отвѣчаетъ*). Здравствуй, голубчикъ, здравствуй! Вотъ, помоги-ка Фросѣ внести въ комнату вещи барина.

Ѳедоръ (*сразу мѣняясь въ лицѣ и становясь веселымъ*). Слушаю-съ! Радъ стараться Вашему Высокоблагородію!

(Фрося все время тихо смѣется и улыбается).

Сергѣй Васильевичъ (*улыбаясь, мягко и ласково*). А вы, Фрося, чего тамъ зубки свои скалите?

Фрося (*жеманясь*). Мнѣ очень весело, баринъ.

Сергѣй Васильевичъ. Ишь ты... Скажите, пожалуйста, какая она сегодня веселая... Это баринъ пріѣхавшій всѣхъ развеселилъ. Ну-ну... веселитесь на здоровье.

(Фрося и Ѳедоръ уносятъ постепенно, въ два пріема, всѣ вещи Николая Георгіевича).

Николай Георгіевичъ (*обращаясь къ Сергѣю Васильевичу*). Какъ идеально, по-военному, вымуштрованъ у васъ Ѳедоръ.

Сергѣй Васильевичъ. О, да!.. Я, знаете-ли, какъ человѣкъ военный, люблю и дисциплину военную.

Николай Георгіевичъ. Прямо любо слушать и смотрѣть, какъ онъ васъ привѣтствуетъ и держитъ себя. Мнѣ это очень понравилось.

Сергѣй Васильевичъ. Очень радъ, очень радъ, что вамъ это понравилось.

(Входитъ Лидія Павловна, а Ѳедоръ уходитъ съ террасы осторожно, на цыпочкахъ. За Лидіей Павловной входитъ веселая улыбающаяся Фрося).

Фрося. Барыня, можно убирать со стола?

Лидія Павловна. Да, убирайте и сами пейте.

(Фрося приходитъ и уходитъ, постепенно все прибирая).

Сергѣй Васильевичъ (*обращаясь къ Николаю Георгіевичу*). Курнемте, дорогой мой! (*Предлагаетъ Николаю Георгіевичу изъ портсигара папиросы*).

Николай Георгіевичъ. Мерси, Сергѣй Васильевичъ! Съ удовольствіемъ.

(Оба закуриваютъ).

Сергѣй Васильевичъ (*вынимая часы и глядя на нихъ*). Мнѣ необходимо на часокъ отлучиться, по весьма важному дѣлу, такъ вы ужъ, дорогой мой, извините, пожайлуста, меня.

Николай Георгіевичъ. Пожалуйста, пожалуйста! Вы меня совершенно не стѣсняйтесь, а то сильно обидите меня.

Сергѣй Васильевичъ. Ну, вотъ, и отлично. Я скоро приду. (*Подымается и уходитъ*).

Лидія Павловна. Господа! Я также сейчасъ пойду въ городъ и скоро возвращусь, а вы, ужъ, тутъ сами погуляйте и побесѣдуйте. (*Обращаясь къ Николаю Георгіевичу*). Вы, ужъ, Николай Георгіевичъ, и на меня не прогнѣвайтесь, что ухожу, но я давно въ городѣ не была, а надо коечто справиться по хозяйству.

Николай Георгіевичъ. О, пожалуйста, Лидія Павловна! Что вы, что вы... не безпокойтесь, пожалуйста.

Лидія Павловна (*подымаясь, раскланиваясь и уходя*). А пока—до свиданья!

Елена, Марія, Николай Георгіевичъ, Миша и Петя (*хоромъ*). До свиданья, до свиданья!!.

Екатерина Александровна (*окидывая всѣхъ ласковымъ взоромъ и улыбаясь*). Ахъ вы, милые мои, шалуны, шалуны.

Елена. Количка!.. Мурочка!.. Пойдемте по саду погуляемъ.

Николай Георгіевичъ. Съ удовольствіемъ, Ленуся. Пойдемъ.

Марія. Господа! Вы меня простите, пожалуйста, не подумайте, что съ цѣлью это дѣлаю, но я тоже хочу сейчасъ на полчасика оставить васъ и пойти написать своей мамѣ пару словъ; если же я сейчасъ не напишу, а послѣ обѣда, то письмо мое пойдетъ только завтра; а я своей мамочкѣ давно ужъ не писала и она, навѣрное, сильно безпокоится.

Николай Георгіевичъ (*улыбаясь*). Пужалуйста, будьте любезны. Когда же напишите своей мамочкѣ,—приходите къ намъ въ садъ; мы съ Ленусей будемъ въ саду.

Елена. Только ты скорѣе пиши, Мурочка, а то намъ съ Количкой будетъ скучно безъ тебя.

(Марія уходитъ во внутреннiе покои, а Николай Георгіевичъ, подъ руку съ Еленой, спускаются съ террасы и уходятъ въ садъ. На сценѣ остаются Миша, Петя и Екатерина Александровна).

Миша. Пойдемъ, Петя, въ нашу комнату; будемъ во что-нибудь играть.

Петя. Пойдемъ.

(Встаютъ оба и уходятъ).

Миша (*уходя говоритъ*). Папа обѣщалъ мнѣ сегодня принести намъ переводныхъ картинокъ.

(Дверь, выходящая изъ внутреннихъ покоевъ на террасу, закрывается и на сценѣ остается одна Екатерина Александровна. Мимо террасы, противъ зрителей, проходятъ подъ руку Николай Георгіевичъ и Елена).

Елена. Боже мой, Количка!.. Какъ я счастлива, что ты пріѣхалъ... я такъ ждала тебя... такъ ждала... (*Оба прижимаются другъ къ другу*).

(Николай Георгіевичъ и Елена проходятъ въ глубину сада и скрываются съ глазъ зрителей, а затѣмъ, минуты двѣ спустя, снова появляются).

Николай Георгіевичъ. Ленуся моя милая, какъ я счастливъ... какъ я счастливъ, что ты будешь моей же-

ной... Какое великое счастье—обладать такимъ сокровищемъ, какъ ты, моя дуся.

(На террасу выходитъ Марія. Елена и Николай Георгіевичъ, увидя ее, останавливаются).

Марія. Вы здѣсь, господа? (*Спускается съ террасы къ нимъ*).

Елена и Николай Георгіевичъ. Да, да.

Николай Георгіевичъ. Просимъ пожаловать!

Елена. Какъ ты скоро... Молодчина. А вотъ, я очень медленно пишу письма.

Марія. О, я не люблю долго письма писать. Я написала и уже отослала съ Фросей, чтобы опустила въ почтовый ящикъ.

(Всѣ трое стоятъ противъ террасы въ саду).

Николай Георгіевичъ. А я вообще, не люблю часто писемъ писать.

Елена (*жеманясь*). А мнѣ вотъ часто писалъ.

Николай Георгіевичъ. Но ты—исключеніе... я твой рабъ до гроба... я готовъ на всѣ жертвы... лишь приказывай.

Елена (*прижимаясь къ нему*). Милый... дорогой... мой...

Марія. Какъ я рада, господа, что вы взаимно такъ любите другъ друга и безконечно счастливы. Дай Богъ вамъ счастья до конца вашей жизни! Отъ души желаю вамъ этого, отъ всего сердца.

Елена и Николай Георгіевичъ. Мерси, мерси!

Николай Георгіевичъ. Ну, что же?!. Пройдемтесь по саду.

Марія. Съ удовольствіемъ! Вся къ вашимъ услугамъ.

(Николай Георгіевичъ беретъ Марію и Елену подъ руки и уводитъ въ глубь сада. Екатерина Александровна, на террасѣ, за столомъ, усиленно тасуетъ карты).

Антрактъ 20 минутъ.

Вечеръ. Горятъ лампы. Большой вмѣстительный залъ. Въ углу стоитъ піанино. За піанино сидитъ Елена. Около Елены стоитъ Николай Георгіевичъ и разсматриваетъ ноты. На стульяхъ въ разныхъ мѣстахъ сидятъ: Сергѣй Васильевичъ, Лидія Павловна, Марія Васильевна, Екатерина Александровна, Миша и Петя).

Сергѣй Васильевичъ. Ну-съ, дорогой мой, нѣтъ терпѣнія ожидать! Начинайте, ужъ!..

Николай Гергіевичъ. Сію минуту. (*Обращаясь къ Еленѣ*). Ленуся! Вотъ, милая.

(Раскрываетъ ей ноты. Елена аккомпанируетъ. Николай Георгіевичъ поетъ).

Стойить гора высокая,
По пидъ горою гай;
Зеленый гай, густесенькій,
Неначе справди рай. } 2 раза.

А по пидъ гаемъ риченька,
Якъ скло вона блещить,—
Долыною зеленою
Кудись вона бижить. } 2 раза.

У бережку, у затышку,
Де вяжуця човны,
Тамъ дви вербы схилылыся,
Мовъ журяця воны. } 2 раза.

Минеця любе литечко,
Настануть холода;
Осыпляця вси лысточки
Йихъ понесе вода. } 2 раза.

Журюсь и я надъ ричкою;
Бижить вона, шумыть;
У мене-жъ мое серденько
И мліе и болыть. } 2 раза.

Ой, риченько, голубонько,
Якъ хвилички твойи,
Пробиглы дни счаслывыйи
И радощи мойи. } 2 раза.

Спивають пташки весело
И риченька бижить;
У мене-жъ мое серденько
И мліе и болить. } 2 раза

До тебе, люба риченька,
Ще вернеця весна,
А молодисть не вернеця
Не вернеця вона! *). } 2 раза.

(*Послѣ окончанія пѣсни всѣ хоромъ: Браво! браво! браво*).

Сергѣй Васильевичъ (*когда всѣ умолкли*). Ради Бога, ради Бога, еще разочекъ!

Николай Георгіевичъ. Пожалуйста, пожалуйста!

(Кланяется Сергѣю Васильевичу и исполняетъ пѣсню вторично. Послѣ окончанія всѣ ему апплодируютъ и кричатъ: «Браво! браво! браво!»

Елена (*цѣлуя его, говоритъ*). Милый, какъ дивно!..

Сергѣй Васильевичъ (*тяжело вздыхая*). Эхъ-эхъ-эхъ!!. Сколько жизни, сколько чувствъ, господа, въ малороссійскихъ пѣсняхъ. Не споете-ли голубчикъ, дорогой мой, еще какую-нибудь, но только малороссійскую, только малороссійскую.

Николай Георгіевичъ (*весело улыбаясь*). Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! Но какую же вамъ? А! вотъ, знаю! (*Роется въ нотахъ и, показывая Еленѣ, ставитъ ноты на піанино передъ ней. Елена аккомпанируетъ, а онъ поетъ*).

*) «Стоитъ гора высокая»—малороссійская пѣсня. Изданіе С. Я. Ямборъ. Положено на ноты Н. Макаровымъ. *Авторъ.*

Дывлюсь я на небо, тай думку гадаю,
Чому-жъ я не сокилъ? Чому не литаю?
Чому мени, Боже, ты крыльля не давъ?
Я-бъ землю покынувъ и въ небо злитавъ.
Далеко за хмары, подали видъ свиту,
Шукать соби доли на горе привиту
И ласки у соньця, у зирокъ прохать,
Себе въ яснимъ свити людямъ показать...

(По окончаніи пѣсни всѣ ему апплодируютъ и кричатъ: «Браво! браво! браво!» Сергѣй Васильевичъ подходитъ къ нему и цѣлуетъ его).

Сергѣй Васильевичъ. Благодарю васъ, дорогой мой, благодарю! Съ особеннымъ удовольствіемъ всегда слушаю ваше пѣніе!..

Николай Георгіевичъ (*кланяется ему*). Очень радъ, что доставилъ вамъ маленькое удовольствіе. (*Обращаясь къ Еленѣ*). Ленуся, дорогая! А теперь ты спой что-нибудь.

Елена. А что, Количка?

Николай Георгіевичъ. Спой „Уголокъ".

Елена. Ну, хорошо!

(Аккомпанируетъ себѣ и поетъ: «Дышала ночь восторгомъ сладострастья». По окончаніи всѣ апплодируютъ ей и кричатъ: «Браво! браво!» Николай Георгіевичъ цѣлуетъ ее).

Николай Георгіевичъ. Ленуся, дорогая, спой еще, пожалуйста, „Дремлютъ плакучія ивы"!..

Елена. Хорошо, милый!

(Отыскиваетъ въ нотахъ романсъ: „Дремлютъ плакучія ивы", аккомпанируетъ и поетъ).

Сергѣй Васильевичъ (*войдя въ экстазъ, приподнявшись*). Эхъ, господа!!. Знаете-ли, что!?. Давайте какую-нибудь хоровую двинемъ! Каждый, какъ сможетъ, подтягивать будетъ.

*) «Дывлюсь я на небо»—малороссійская пѣсня. Изданіе С. Я. Ямборъ. Положена на ноты М. Шимко. *Авторъ.*

Николай Георгіевичъ (*оживленно*). Это дѣло!.. Вотъ это люблю!

Елена, Марія, Миша, Петя. Давайте, давайте споемъ хоровую!..

Сергѣй Васильевичъ. „Реве та стогне Днипръ широкий"—знаете, господа?

Всѣ (*хоромъ*). Знаемъ! Знаемъ!..

Сергѣй Васильевичъ. Такъ затягивайте, Николай Георгіевичъ, и будьте нашимъ регентомъ. Я баскомъ подтяну.

Николай Георгіевичъ. Идетъ! Пожалуйте всѣ ко мнѣ поближе, въ полукругъ становитесь!..

(Всѣ становятся возлѣ него въ полукругъ, за исключеніемъ Екатерины Александровны, съ улыбкою наблюдающей за ними).

Николай Георгіевичъ (*затягиваетъ, а за нимъ и всѣ*).

Реве та стогне Днипръ широкий,
Сердытый витеръ завыва,
До долу вербы гне высоки,
Горамы хвылю пидыйма.
(2 раза.)

И блидный мисяць на ту пору
Де-де зъ-за хмары выглядавъ,
Неначе човинъ въ синимъ мори
То вырынавъ, то потопавъ.
(2 раза.)

Ще трети пивни не спивалы,
Нихто ниде не гомонивъ;
Сычи въ гаю переклыкалысь,
Та ясень разъ у разъ скрыпивъ...
(2 раза.)

Сергѣй Васильевичъ. Здорово!.. Ей Богу, здорово спѣли!..

Всѣ. Давайте еще одну споемъ!!. Давайте еще одну споемъ!!.

Сергѣй Васильевичъ. Ну, ладно, господа, тише! не галдите! Вотъ эту споемъ: „Золотыя удалыя—не нѣмецкія, пѣсни русскія"...

Всѣ (*хоромъ*). Споемъ, споемъ эту! Знаемъ! Знаемъ!

Сергѣй Васильевичъ (*обращаясь къ Николаю Георгіевичу*). Такъ затягивайте, дорогой мой!

Екатерина Александровна. Извиняюсь, что перебиваю, но должна сказать вамъ господа, что „Реве та стогне Днипръ широкый“ вы прекрасно спѣли и напомнили мнѣ Малороссію, мою родину.

Всѣ (*хоромъ*). Очень рады, очень рады, что вамъ понравилось!..

Сергѣй Васильевичъ. Ну-ка, дорогой мой, такъ затягивайте.

Николай Георгіевичъ (*затягиваетъ*).

Что за пѣсни, что за пѣсни,
Распѣваетъ нашъ казакъ:
Ты хоть лопни, ты хоть тресни
Такъ не спѣть тебѣ пруссакъ *).

Хоръ. Золотыя, удалыя, не нѣмецкія,
Пѣсни русскія, лихія, молодецкія!

Сергѣй Васильевичъ. Ей-Богу, здорово! Прекрасно спѣли—хоть на сцену!

Всѣ (*хоромъ отвѣчаютъ ему*). Правда, правда, хорошо!

Сергѣй Васильевичъ. Ну, а теперь можно и отдохнуть... (*Идетъ къ стулу и зоветъ Николая Георгіевича*). Николай Георгіевичъ, идите, дорогой мой, ко мнѣ,—посидимъ и покуримъ!..

Николай Георгіевичъ. Съ удовольствіемъ!

(Идетъ къ нему; всѣ остальные разсаживаются по стульямъ. Николай Георгіевичъ садится около Сергѣя Васильевича, который достаетъ портсигаръ и угощаетъ его папиросой и самъ закуриваетъ).

Петя (*вставъ со стула*). Папочка, мамочка, я хочу продекламировать Николаю Георгіевичу мое любимое стихотвореніе Плещеева: „Горе птички матери“—можно?

*) Авторъ этой пѣсни мнѣ неизвѣстенъ; я позволилъ себѣ замѣнить въ ней слова: Русь—казакомъ, а французъ—пруссакомъ. *Авторъ.*

Сергѣй Васильевичъ и Лидія Павловна. Можно, голубчикъ, можно! Молодецъ! Декламируй!

Николай Георгіевичъ (*улыбаясь*). Ну-ну, декламируй, голубчикъ... Слушаю тебя.

Миша. Только не спѣши говорить, Петя.

Петя (*обиженно*). Знаю безъ тебя! Не мѣшай! (*Декламируетъ*).

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное на деревѣ гнѣздо,
Горитъ и стонетъ дерево,
Горятъ и стонутъ птенчики:
„Ой, матушка, гдѣ ты?
А ты бы насъ похолила, пока не оперились мы:
Какъ крылья отрастимъ—въ долины,
Рощи тихія мы сами улетимъ!"
До тла сгорѣло дерево, до тла сгорѣли птенчики,
Тутъ прилетѣла мать.
Ни дерева... ни гнѣздышка... ни птенчиковъ...
Поетъ-зоветъ, поетъ-рыдаетъ и кружится,
Такъ быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистятъ...
Настала ночь; весь міръ затихъ.
Одна рыдала пташечка,
Да мертвыхъ не докликалась до самаго утра...

(Лидія Павловна достала платокъ и смахнула слезу, а Николай Георгіевичъ подошелъ къ Петѣ и поцѣловалъ его).

Николай Георгіевичъ. Молодецъ! Благодарю тебя!

Марія и Елена. Молодецъ, Петя!

Екатерина Александровна. Иди, Петюня, и я тебя поцѣлую за стишокъ.

(Петя подходитъ къ Екатеринѣ Александровнѣ, которая цѣлуетъ его).

Сергѣй Васильевичъ. Да, молодецъ, молодецъ! Хорошо продекламировалъ. Лидія Павловна, маменька, даже слезу пустила.

Лидія Павловна. Да мнѣ нисколько и не стыдно! Иди, Петичка, и я тебя поцѣлую. (*Цѣлуетъ подошедшаго Петю*).

Елена. Количка, дорогой, милый... послѣдняя просьба сегодня къ тебѣ: будь такъ добръ, если любишь...

Николай Георгіевичъ (*ласково улыбаясь*). Что?.. Что, милая?.. Пожалуйста! Весь къ твоимъ услугамъ.

Елена (*въ полголоса*). Дорогой Количка... Нищую Беранже. Я буду тебѣ аккомпанировать. Бабушкѣ понравится, да и я люблю.

Николай Георгіевичъ. Пожалуйста, дусенька, пожалуйста.

(Елена подбѣгаетъ къ піанино и спѣшно роется въ нотахъ. Находитъ романсъ: «Нищая». Къ Еленѣ подходитъ Николай Георгіевичъ. Елена аккомпанируетъ, а Николай Георгіевичъ мелодекламируетъ).

Зима, мятель, и въ крупныхъ хлопьяхъ,
При сильномъ вѣтрѣ, снѣгъ валитъ.
У входа въ храмъ, одна, въ отрепьяхъ,
Старушка—нищая—стоитъ.
И, милостыни ожидая,
Она все тутъ, съ клюкой своей:
И лѣтомъ и зимой, слѣпая...
Подайте, Христа ради, ей!
Сказать-ли вамъ, старушка эта
Какъ двадцать лѣтъ назадъ жила?
Она была мечтой поэта
И слава ей вѣнокъ плела.
Когда она на сценѣ пѣла
Парижъ въ восторгѣ была отъ ней.
Она соперницъ не имѣла.
Подайте, Христа ради, ей!
Бывало, послѣ представленья
Ей отъ толпы проѣзда нѣтъ,
И молодость отъ восхищенья

Гремѣла „браво!“ ей во слѣдъ.
Вельможи случая искали
Попасть въ число ея гостей,—
Талантъ и умъ въ ней уважали.
Подайте, Христа ради, ей!
Святая воля Провидѣнья...
Артистка сдѣлалась больна,
Лишилась голоса и зрѣнья
И бродитъ по міру одна.
Бывало, бѣдный не боится
Притти за милостыней къ ней,
Она-жъ—у васъ просить стыдится.
Подайте, Христа ради, ей!
Въ то время,—торжества и счастья,—
У ней былъ домъ, не домъ—дворецъ,
И въ этомъ домѣ сладострастьемъ
Томились тысячи сердецъ.
Какими пышными хвалами
Кадилъ ей кругъ ея гостей!..
При счастьи—всѣ дружатся съ нами.
Подайте, Христа ради, ей!
Ахъ, кто съ такою добротою,
Въ несчастьи ближнимъ помогалъ,
Какъ эта нищая съ клюкою,
Когда Амуръ ее ласкалъ!
Она все въ жизни потеряла!
О, чтобы въ старости своей
Она на Промыслъ не роптала,—
Подайте, Христа ради, ей!

Екатерина Александровна. Ахъ, какъ прелестно! Какъ прелестно! Благодарю васъ, благодарю!

Всѣ (*хоромъ*). Мерси! мерси!

Елена (*цѣлуя Николая Георгіевича*). Добрый мой... послушный... хорошій...

Екатерина Александровна (*подымаясь, уходитъ и говоритъ*). Спасибо всѣмъ за пѣніе и декламацію. Все было прекрасно. Можно всю ночь слушать. Но я, ужъ, пойду: устала. Спокойной ночи! (*Кланяется всѣмъ и уходитъ*).

Всѣ (*хоромъ*). Спокойной ночи! спокойной ночи!

(Миша и Петя подбѣгаютъ къ бабушкѣ и цѣлуютъ ее).

Лидія Павловна. Миша и Петя, и вамъ, ужъ, пора спать! Идите, милые!

Миша и Петя. Хорошо, мамочка!

(Желаютъ всѣмъ спокойной ночи, цѣлуютъ всѣхъ и уходятъ. Сергѣй Васильевичъ и Николай Георгіевичъ, послѣ ухода Миши и Пети, взявшись подъ руки, ходятъ по залу и тихо о чемъ-то шепчутся. Николай Георгіевичъ нѣсколько разъ киваетъ головой, въ знакъ одобренія. Лидія Павловна, Елена и Марія сидятъ около піанино и тихо бесѣдуютъ).

Сергѣй Васильевичъ (*громко*). Ну-съ, дорогой, пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ и потолкуемъ кое-о-чемъ!

Николай Георгіевичъ. Съ удовольствіемъ! Весь къ вашимъ услугамъ!..

Сергѣй Васильевичъ. Спокойной ночи!.. (*Кланяется всѣмъ и уходитъ*).

(Николай Георгіевичъ цѣлуетъ руки Лидіи Павловнѣ, Еленѣ и Маріи, всѣмъ желаетъ спокойной ночи и уходитъ. Елена нагоняетъ его и цѣлуетъ въ губы. На сценѣ остаются Лидія Павловна, Марія и Елена).

Лидія Павловна (*ласково улыбаясь*). Это, Леночка, папа пошелъ бесѣдовать съ Николаемъ Георгіевичемъ насчетъ свадьбы.

Елена (*взволнованно*). Ахъ, мамочка, правда?!.

Лидія Павловна. Да, да!

Елена. Ахъ, мамочка, какъ я сильно волнуюсь... мнѣ даже худо... худо...

Марія. Леночка, нельзя же такъ волноваться. (*Подходитъ къ ней и цѣлуетъ ее*).

Лидія Павловна. Ну, не волнуйся же такъ, милая дѣточка моя! Знаешь русскую пословицу: „утро вечера мудренѣе“, и посему пойдемъ спать, а завтра ты будешь въ курсѣ дѣла обо всемъ, что тебя такъ волнуетъ.

Елена. Ахъ, мамочка, пойдемъ, пойдемъ!.. У меня сильно голова кружится.

Лидія Павловна и Марія (*въ одинъ голосъ*). Да что съ тобой?!. Можно-ли такъ волноваться?!.

Елена (*тяжело дыша*). Ахъ, мамочка!.. Мурочка!.. Мнѣ худо, худо...

Лидія Павловна и Марія (*въ одинъ голосъ*). Ахъ, Боже мой!.. Что съ тобой?!.

(Берутъ ее подъ руки и уводятъ).

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III-ье.

(Вечеръ. Большой кабинетъ Сергѣя Васильевича. Стоитъ письменный столъ. Надъ письменнымъ столомъ виситъ портретъ Государя Императора Николая II. Въ углу стоитъ небольшой гардеробъ. За письменнымъ столомъ сидитъ Сергѣй Васильевичъ Коваленко и что-то пишетъ и считаетъ на счетахъ. Ежеминутно онъ нервно схватывается за голову и качаетъ головой).

Сергѣй Васильевичъ. Все рухнуло!.. погибло!.. Боже мой! Боже мой!.. Все погибло!.. все!.. Завтра позоръ!.. Спасенья нѣтъ!.. нѣтъ!.. И не будетъ!.. Все проигралъ!.. проигралъ!..

(Сильно подергиваясь, плачетъ. Слышится стукъ въ двери кабинета).

Сергѣй Васильевичъ (*доставъ платокъ и смахнувъ слезы*). Войдите!

(Входитъ Фрося).

Сергѣй Васильевичъ. Что вамъ, Фрося?

Фрося. Господинъ Мельбаумъ пришли и хотятъ васъ видѣть.

Сергѣй Васильевичъ. Можно! Проводите его сюда. (*Закуриваетъ толстую сигару*).

(Входитъ Мельбаумъ. Небрежно подаетъ руку и, поздоровавшись, садится, перекинувъ ногу за ногу).

Мельбаумъ (*гордо приподнявъ голову*). Ну, какъ наши дѣля?

Сергѣй Васильевичъ (*тихимъ голосомъ*). Да, что же?!. нужно еще два мѣсяца обождать, Густавъ Густавовичъ. Ради Бога!..

Мельбаумъ (*съ саркастическою улыбкой и отвратительнымъ смѣхомъ*). Хо-хо-хо-хо!!. Это, ушъ, мнѣ надоѣль... Дофольно икраться... я, вѣдь, фамъ не мальшикъ какой-нибудь!

Сергѣй Васильевичъ (*нервно, рѣзкимъ голосомъ*). Да этого вамъ никто и не говоритъ, что вы мальчикъ, и никто съ вами и не играется, а я васъ прошу, какъ человѣка, обождите, пожалуйста, ради Бога!.. Кто васъ за горло давитъ?

Мельбаумъ. Охо-хо-хо-хо!.. Ви не кришитъ!.. я это не люпитъ!.. Если ви пудетъ кришитъ—я сичасъ уйтетъ! Вѣдь, ви снаетъ, что ви фесь мой... съ холовы до ногъ. (*Откашливается и продолжаетъ*). А онъ еще кришитъ тутъ!.. какой карячій!.. скашитъ, пожалуйстъ... (*смѣриваетъ Коваленко съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ*).

Сергѣй Васильевичъ. Но, Боже мой, поймите-же, что сейчасъ у меня нѣтъ денегъ, а черезъ два мѣсяца они будутъ,—и я вамъ все отдамъ!..

Мельбаумъ. Какой мнѣ дѣло, что у фасъ нѣтъ?.. мнѣ ошинь нушенъ дэньги!.. Ви обѣщаль сиводня оттать мои дэньги... ви далъ шестное слово!.. гдѣ же фаши слово?

(Вопросительно и грозно глядитъ на Сергѣя Васильевича).

Сергѣй Васильевичъ. О, Боже мой!.. Боже мой!..

Мельбаумъ (*качая головой*). Боши мой не помошитъ, дэньги надо!..

Сергѣй Васильевичъ. Но я васъ умоляю!.. умоляю!.. Ради Бога!.. (*Встаетъ, прижимаетъ руки къ груди*). Ради Бога,—до перваго августа!..

Мельбаумъ (*рѣзко и громко*). Никахда! Никахда!.. панимайтъ?!. Я шеловѣкъ коммерческій... я никакой Богъ ни знаетъ... Мнѣ дэньги надо, понимайтъ!?. Или савтра плохо пудетъ фамъ, милостифый государъ. Хо-хо-хо-хо-хо!.. (*Смѣется*).

Сергѣй Васильевичъ. О, какой вы варваръ! Какой вы жестокій человѣкъ!..

Мельбаумъ (*смѣется*). Хо-хо-хо-хо!.. Савсѣмъ ни прафда фаша: я ошинь тобри... (*Встаетъ, подходитъ къ Сергѣю Васильевичу, кладетъ ему руку на плечо и, окинувъ грознымъ взоромъ весь кабинетъ, говоритъ ему на ухо тихо, еле слышно*). Вамъ нада дэньги?

Сергѣй Васильевичъ. О, Боже мой!.. Вы же знаете данное мое положеніе?!. Зачѣмъ вы меня мучите и такъ жестоко издѣваетесь надо мной?

Мельбаумъ. А сашэмъ такъ въ карты играйтъ?.. Не нада карты ихрайтъ. А дэньги я тамъ еще... тамъ... понимайтъ?

Сергѣй Васильевичъ (*оживившись*). Что я слышу!?. Что вы говорите?!. Неужели?!. Боже, какъ я вамъ буду благодаренъ!.. Вѣдь, я вамъ отдамъ!.. все отдамъ!.. до копѣечки!.. Вотъ только дочку выдамъ замужъ,—мужъ ее и займетъ мнѣ двадцать тысячъ, я ему это въ условіе уже поставилъ и онъ согласился, а сейчасъ, до свадьбы, взять у него никакъ невозможно...

Мельбаумъ (*машетъ рукой на Коваленко и говоритъ*). Пастойте... пастойте, это мнѣ ни интересно снайтъ... Слушайтъ: дэньги я фамъ дамъ еще,—тесять тысяшъ.

Сергѣй Васильевичъ. О, какъ вы великодушны! Какъ добры!..

Мельбаумъ. Не спѣшитъ сильно хвалить меня, а слушайтъ: дэньги я тамъ, тесять тысяшъ и фесь фашъ

долгъ: вексель и исполнительны листы,—фсе пайтетъ на уништоженій, на смарка... но... (*очень рѣзко*) но... мой мили гаспадинъ Кафаленко...

Сергѣй Васильевичъ (*перебивая его, удивленно*). Что такое?!. Не понимаю! Какъ это понять,—долгъ на смарку? Дамъ еще десять тысячъ!.. Объясните, ради Бога, Густавъ Густавовичъ!

Мельбаумъ. Толго объяснятъ нешиво, вотъ что, слушайтъ; фи помнитъ, я фасъ встрѣтилъ съ гаспадинъ артиллерійскій офицеръ?.. Ви помнитъ, ви гаварилъ, што это фашъ камрадъ, тафаришъ? Ви помнитъ, ви гаварилъ мнѣ, што этотъ офицеръ слюжитъ въ Гродненскій крэпость,—помнитъ?

Сергѣй Васильевичъ (*смахивая платкомъ выступившій на лбу потъ*). Да, да!.. помню все!.. Но при чемъ все это и мой товарищъ?

Мельбаумъ (*ехидненько смѣется*). Хо-хо-хо-хо!.. Ошинь, милій, при шемъ!.. ошинь при шемъ!..

(Сергѣй Васильевичъ нервно встаетъ и пожимаетъ плечами).

Сергѣй Васильевичъ (*тихо, но рѣзко*). Такъ вотъ въ чемъ дѣло!.. Вы, кромѣ ростовщичества — шпіонъ!.. шпіонъ!.. О, Боже мой, Боже мой!.. (*схватывается лѣвою рукой за свою грудь и тяжело дышетъ*).

Мельбаумъ (*смѣется*). Хо-хо-хо-хо!.. Зашѣмъ такой трама, гаспатинъ Кофаленко? Зашѣмъ?

Сергѣй Васильевичъ (*берется за голову и восклицаетъ*). О, Боже мой, Боже мой!..

Мельбаумъ, Ну, а фсетаки, каспатинъ Кофаленко, ви угадалъ, хто я еще... малатецъ, малатецъ!.. Хо-хо-хо-хо!.. (*Смѣется*). Что ше касается тафо, што если ви мене претастъ шантармы, то изъ этого ровно нишего не фийдетъ. Докасательствъ нѣтъ и нишего у мене ни найтутъ. Не тумайте, милій, што я такой хлюпій... Нѣтъ, я сказалъ пи шантармы, што фи толшенъ мнѣ мнохо и не мошетъ са-

плятить и показалъ-пи фсѣ ваши вехселя и испольнительны листы и скасалъ пи, што фи на мэня клефещите и мнэ пи нишефо нихто не стѣлалъ пи. А фотъ, если ви умній шалавэкъ и немношко китры, то путетъ кароши дѣло, и волки путутъ ситъ и овцы не путутъ калодни. Панимайтъ, милій мой, въ шомъ дѣло?

Сергѣй Васильевичъ (*дрожащимъ голосомъ*). Почти все понимаю, но поясните точно.

Мельбаумъ. Карашо, я вамъ все поясню тошно, слушайтъ: я вамъ тамъ тесятъ тысяшъ, а ви мнѣ въ опезпеченіе татите вехселей на тватцать тысяшъ, и ви савтра ше паѣтете въ Гродно къ сфой тафаришъ; тамъ у нефо ви пакаститъ тней шесть, земъ, не польше! и прифесетъ мнѣ фатакрафически снимки вся крэпости, и фсѣ секрэтъ крѣпости ви, милій, толжны тля мѣня расуснайтъ при помощи фашъ тругъ. Поняли, милій мой?

Сергѣй Васильевичъ (*нервно*). Понялъ! понялъ!! Что дальше? Говорите!

Мельбаумъ. Такда, какда ви пріѣдетъ и отдатите мнѣ все это въ фашемъ капинетъ, я, въ свою ошередь, оттамъ фамъ всѣ вехселей и испольнительны листъ, и, кромѣ тафо, тамъ фамъ еще налишны деньги тватцать тисяшъ, а сишасъ на расходъ, кутешъ, поѣстку тамъ тесять тисяшъ. Фотъ, милій мой, какой карошій камершескій дѣло ви стѣлайтъ, если ви умній и китри немношко. (*Повышая голосъ*). А если нѣтъ... не сокласны на мой претложеній и услофій, то савтра же, въ твѣнатцать шасовъ тня я пріѣсшайтъ къ фамъ съ гаспатинъ сутепный пристафъ, все описуетъ и протаетъ, и ви со своя семья путетъ расоронъ и толжны путете въ скоромъ фремени покинуть свой томикъ, такъ какъ онъ путетъ протанъ, какъ и фсе фаши имушество—и твишими и нетвишими. Отнимъ словомъ, фамъ путетъ сафсѣмъ плохо. Поняли теперь фсе, милій мой? Хо-хо-хо-хо-хо!.. (*смѣется раскатистымъ смѣхомъ*).

Сергѣй Васильевичъ О, Боже мой!.. Боже мой!..

Мельбаумъ. Опять Поже мой!.. Поже мой не помошетъ фамъ. Фамъ, милій мой, нушны не Поше мой, а умъ и немношко китрость.

Сергѣй Васильевичъ (*вскочивъ со стула, кричитъ громко*). Нѣтъ! Никогда! (*Сильно повышая голосъ*). Понимаетели?!.—никогда!

Мельбаумъ (*встаетъ и уходитъ, говоря*). Какъ катите, тарагой, какъ катите, но сматрите, путете шалѣйтъ, да потомъ постно путетъ! Потумайте!

Сергѣй Васильевичъ. Будь, что будетъ! Я васъ не предамъ, но никогда, никогда, не продамъ родину и не измѣню своему Государю, которому вѣрой и правдой прослужилъ много лѣтъ! (*Сильно топнувъ ногой и ударивъ кулакомъ по столу*). Слышите, милѣйшій?! Описуйте и продавайте!

Мельбаумъ (*стоя у дверей кабинета*). Карашо, карашо... какъ катити, мошете и фидать, и сепя этимъ пакупить, а не меня... Я путетъ тома до твѣнатсати шасовъ ноши; черезъ шасъ я пришлю къ фамъ сфой зекретарь са отфѣтъ; ви ему татите письменный отфѣтъ.

Сергѣй Васильевичъ *(громко и рѣзко)*. Еще разъ повторяю вамъ, что я не подлецъ и не предамъ своего Государя и родину... Никакихъ секретарей прошу не присылать и прошу оставить меня въ покоѣ и оставить мой кабинетъ!..

Мельбаумъ *(саркастически смѣется)*. Хо-хо-хо!.. Это ошинь кромкій слофа!..

Сергѣй Васильевичъ *(сильно топнувъ ногой)*. О, варваръ!.. Уходите! или я за себя не ручаюсь!..

Мельбаумъ (*открываетъ дверь и говоритъ, уходя*). Укажу, укажу, но за отфѣтъ фсетаки пришлю сфой зекретарь; я снаю, что ви отумаетесь, кохта немношко успакоитесь... До скори свидани. *(Кланяется и уходитъ, плотно закрывъ за собою дверь).*

(Сергѣй Васильевичъ запираетъ двери кабинета и становится на колѣни въ углу, передъ образомъ и громко молится).

Сергѣй Васильевичъ. Боже, помоги мнѣ!.. Боже, помоги мнѣ!.. Услыши мою молитву и помоги!.. помоги мнѣ, недостойному рабу Твоему!..

(Встаетъ, крестится и идетъ къ гардеробу, отпираетъ его и вынимаетъ изъ него парусиновый чехолъ, развязавъ который, онъ вынимаетъ изъ него старый парадный мундиръ штабсъ-ротмистра съ орденами и прижимаетъ его къ груди).

Сергѣй Васильевичъ (*громко и сильно рыдая*). Запятнать свое доброе имя и мундиръ!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. никогда!.. никогда!.. Лучше смерть!..

(Цѣлуетъ мундиръ и ордена и прячетъ его въ гардеробъ, сильно качая головой и неоднократно тяжело вздыхая. Спрятавъ мундиръ, онъ берется рукой за сердце; взлазитъ на письменный столъ и, прильнувъ головой къ портрету Государя Императора, держитъ его обѣими руками и цѣлуетъ).

Сергѣй Васильевичъ (*сквозь обильно льющіяся слезы*). Никогда!.. никогда не измѣню Вамъ и родинѣ, Ваше Императорское Величество!.. Клянусь!.. клянусь!..

(Цѣлуетъ портретъ Государя и сходитъ со стола; затѣмъ достаетъ носовой платокъ и смахиваетъ слезы).

Сергѣй Васильевичъ (*взявшись за голову*). Миша!.. Петя!.. Леночка!.. дѣтки мои дорогія!.. Лида!.. мамочка моя дорогая... О, какъ мнѣ васъ жаль, какъ жаль!.. Боже мой, Боже мой!.. что я надѣлалъ, что я надѣлалъ!.. (*Сжавъ кулаки съ большимъ ожесточеніемъ*). О, проклятыя карты! до чего вы меня довели!.. До чего вы меня довели!.. Но... я умру, какъ честный человѣкъ!.. Семью Богъ не оставитъ своею милостью... Николай Георгіевичъ спасетъ ихъ... будетъ кормить всѣхъ... у него кое-какъ хватитъ средствъ... (*Сильно повышая голосъ*)... А этого негодяя, рыжаго нѣмца, своимъ судомъ... убью!.. Деньги, десять тысячъ, которыя онъ мнѣ дастъ, запечатаю въ конвертъ съ письмомъ на

имя прокурора... Деньги, которыя этотъ негодяй дастъ мнѣ... дастъ, чтобы я измѣнилъ своему Государю-Батюшкѣ и родинѣ!.. (*Садясь за столъ*). Сейчасъ приготовлю конверты и письма семьѣ моей и прокурору...

(Садится и пишетъ; слышно его рыданіе; онъ часто смахиваетъ платкомъ слезы, которыя обильно льются изъ его глазъ и мѣшаютъ ему писать).

Сергѣй Васильевичъ (*вставъ со стула*). Готово! Подписалъ себѣ и Мельбауму смертный приговоръ... (*Смотритъ на часы*). Но какъ странно!.. какъ странно!.. Жить осталось... какихъ-нибудь два часа!.. (*Крестится, глядя на образъ*). Господи, прости меня!.. О, прости меня, великаго грѣшника!.. недостойнаго раба Твоего, Господи!.. Господи, прости!.. (*Плачетъ*). Къ семьѣ не выйду,—слишкомъ тяжело... (*Плачетъ*). Какъ я буду смотрѣть на нихъ?... Я разрыдаюсь... не удержусь... и весь мой планъ рухнетъ!.. Я сказалъ имъ сегодня за чаемъ, что у меня вечеромъ будутъ дѣловые люди и чтобы они меня не безпокоили. А сейчасъ вотъ пошлю Ѳедора за Мельбаумомъ...

(Слышенъ стукъ въ дверь кабинета).

Сергѣй Васильевичъ. Кто тамъ? Сейчасъ открою!

Голосъ Фроси (*изъ-за двери*). Это я, баринъ!

(Сергѣй Васильевичъ, смахнувъ съ лица слезы, отпираетъ дверь и и впускаетъ ее).

Сергѣй Васильевичъ. Пришелъ ко мнѣ кто-нибудь?

Фрося. Да, пришли молодой человѣкъ отъ господина Мельбаума.

Сергѣй Васильевичъ. А!.. ну, вотъ и отлично, не нужно и посылать за нимъ! Проведите ко мнѣ этого молодого человѣка!

Фрося. Слушаю-съ, баринъ! (*Уходитъ*).

(Входитъ секретарь Мельбаума—Миллеръ. Сергѣй Васильевичъ дѣлаетъ видъ, что онъ веселъ и жизнерадостенъ).

Сергѣй Васильевичъ. Здравствуйте, молодой человѣкъ!

Миллеръ (*хорошо, чисто говоритъ по-русски*). Здравствуйте, господинъ Коваленко!

Сергѣй Васильевичъ. Присядьте, пожалуйста! Покуримъ!

Миллеръ (*не садясь*). Извиняюсь, господинъ Коваленко, очень благодаренъ вамъ, но положительно не имѣю времени, ибо мой патронъ ждетъ отвѣта и находится сейчасъ у входа въ вашъ домъ.

Сергѣй Васильевичъ (*жизнерадостно*). Ахъ, вотъ какъ! Прекрасно! Въ такомъ случаѣ, не смѣю задерживать васъ, идите и передайте Густаву Густавовичу, что я жду его и что все, что онъ просилъ, сдѣлано мною!

(Не успѣлъ Миллеръ откланяться, какъ въ незапертую дверь кабинета вошла Елена въ вечернемъ легкомъ туалетѣ).

Елена. Ахъ, папочка, ты не одинъ!? Прости меня!

Сергѣй Васильевичъ. Леночка, нельзя же безъ спроса входить ко мнѣ въ кабинетъ, когда у меня бываютъ по дѣлу посторонніе люди,—это не хорошо, милая! Уходи!

(Миллеръ впился глазами въ Елену и любуется ея красотой).

Елена (*убѣгая*). Прости, дорогой папочка!

Миллеръ (*улыбаясь*). Какъ вы строги къ своей очаровательной дочери!

Сергѣй Васильевичъ (*нервно*). Ахъ!! Такъ и надо!

Миллеръ (*кланяясь*). До свиданья! Я ухожу!

Сергѣй Васильевичъ. До свиданья! Скажите же Густаву Густавовичу, что я жду его!..

Миллеръ. Слушаю, господинъ Коваленко. (*Кланяется и уходитъ*).

(Сергѣй Васильевичъ достаетъ изъ ящика письменнаго стола револьверъ и, тщательно осмотрѣвъ его, прячетъ въ карманъ и затѣмъ крестится. Слышенъ стукъ въ дверь).

Сергѣй Васильевичъ. Можно! Войдите!

(Входитъ Фрося).

Фрося. Баринъ, къ вамъ опять господинъ Мельбаумъ пришли! Могутъ они васъ видѣть?

Сергѣй Васильевичъ. Да, проводите его сюда! А что дѣлаютъ всѣ наши?

Фрося. Собираются ужинать, баринъ; хотѣли за вами посылать, но увидѣли, что къ вамъ господинъ Мельбаумъ пришли и приказали мнѣ не безпокоить васъ.

Сергѣй Васильевичъ. Да, да... скажите, пожалуйста, имъ, что я просилъ не безпокоить меня; я самъ приду, когда уйдетъ Мельбаумъ...

Фрося. Слушаю-съ, баринъ! *(Уходитъ).*

(Сергѣй Васильевичъ молча ходитъ большими шагами по кабинету. Слышны лишь его тяжелые вздохи. Входитъ Мельбаумъ).

Мельбаумъ. А фотъ и я! *(Улыбается).*

Сергѣй Васильевичъ. Очень радъ! Садитесь, пожалуйста!

Мельбаумъ. Мошьно, мошьно! *(Садится).*

Сергѣй Васильевичъ *(старается не выдать себя и быть веселымъ и спокойнымъ).* Обо всемъ подумалъ: я въ вашихъ рукахъ!.. На все согласенъ!..

Мельбаумъ *(смѣясь и потирая руки).* Хо-хо-хо!.. Это дѣло! Малячина ви!.. Въ такомъ слючай ми съ фами трузья!

(Жмутъ другъ другу руки).

Мельбаумъ *(вынимаетъ изъ бокового кармана сюртука вексельные бланки).* А фотъ и фексельны планки!.. Подпишите ихъ!..

Сергѣй Васильевичъ. Съ большимъ удовольствіемъ! (*Подписуетъ*).

Мельбаумъ. Такъ пи и тафно!.. Это дѣло!..

Мельбаумъ (*отсчитывая вынутыя изъ бумажника деньги*). Профѣрьте, пошалюста!

Сергѣй Васильевичъ (*провѣривъ деньги*). Правильно, Густавъ Густавовичъ!

(Мельбаумъ самодовольно прячетъ векселя, подписанные Сергѣемъ Васильевичемъ въ большой бумажникъ и затѣмъ кладетъ бумажникъ въ боковой карманъ своего сюртука).

Мельбаумъ. Такъ ви, колюпчикъ, пошалюста, савтра же и выѣсшайтъ, и какъ только восфратитесь опратно,— неметленно висовите меня къ сепѣ.

(Сергѣй Васильевичъ быстро подымается изъ кресла, выхватываетъ изъ кармана револьверъ).

Сергѣй Васильевичъ (*наведя револьверъ на грудь Мельбаума*). Нѣтъ, негодяй!.. Среди русскихъ офицеровъ ты не найдешь предателей и измѣнниковъ Царю и родинѣ!.. Умри же, подлый шпіонъ!!.

(Стрѣляетъ. Мельбаумъ падаетъ, какъ скошенный, безъ звука и стона. Сергѣй Васильевичъ спѣшно вкладываетъ деньги въ конвертъ, предназначенный для прокурора, и запечатываетъ его, съ испугомъ озираясь на дверь кабинета).

Сергѣй Васильевичъ (*приставивъ револьверъ къ своей груди*). Боже, прости меня!.. прими душу грѣшника!..

(Стрѣляетъ себѣ въ грудь и падаетъ въ кресло. Въ этотъ моментъ вбѣгаютъ Полѣшко, Елена, Марія и Лидія Павловна, а за ними Миша и Петя. Полѣшко останавливается съ разведенными руками и молча глядитъ, съ выраженіемъ ужаса и испуга).

Елена (*вскрикивая и бросаясь къ отцу*). Папочка!.. Папочка, дорогой!!. Тебя убили!..

(Беретъ отца за руку и глядитъ ему въ глаза).

Елена. Папочка!.. Папочка, дорогой!..

(Миша и Петя, склонившись и обнявъ ноги отца, безумно рыдаютъ. Марія Нечипоренко и Полѣшко молча глядятъ на все и дрожатъ. Въ кабинетъ входитъ Екатерина Александровна, переваливаясь съ боку на бокъ).

Лидія Павловна (*вначалѣ остолбенѣвшая, приходитъ немного въ себя и бросается къ мужу съ крикомъ*). Сергѣй

Васильевичъ! Сережа! Сережа! Ты живъ еще? Тебя не убили?.. Сереженька, Сереженька!.. Скажи же, ради Бога, скажи же мнѣ хоть одно слово!.. (*Обнимаетъ его, рыдая*).

Николай Георгіевичъ (*стремительно убѣгаетъ и кричитъ*). Я ѣду за докторомъ!

Сергѣй Васильевичъ (*тихо говоритъ отрывистымъ хриплымъ голосомъ*). Лидочка... мамочка... дѣти... дорогіе... Я... я... убилъ негодяя... шпіона... Мель... баума... и... и... самъ... застрѣлился... Я не захотѣлъ... не захотѣлъ... измѣнить... измѣнить... Государю и ро... динѣ... Тамъ... на столѣ... въ письмѣ все... все... про... прочитаете... мои дорогіе, а другое письмо про... прокурору... не вскрывайте... прокуроръ... самъ вскроетъ... ой... ой... тяжело ды... дышать... Простите... простите... меня я... я... умираю... умираю!.. Докторъ меня не спасетъ уже... ой, ой... Боже... прости меня!.. прости!.. Прощайте!!. Про... щайте... мои дорогіе... поцѣлуйте... въ послѣдній разъ...

(Входитъ Дуня и Фрося, съ ужасомъ глядятъ и рыдаютъ. Екатерина Александровна, до сихъ поръ съ ужасомъ глядѣвшая на всё, бросается къ сыну, падаетъ, подымается и спѣшно, насколько позволяютъ ей старческія силы, бѣжитъ къ сыну).

Екатерина Александровна (*обнимая Сергѣя Васильевича*). Сережа! Сережа мой дорогой! Сынъ мой дорогой! (*Цѣлуетъ его*). Сереженька!.. Сереженька!.. Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?.. Зачѣмъ бросаешь меня и семью?.. (*Захлебывается слезами*).

Сергѣй Васильевичъ (*съ большимъ трудомъ, отрывисто, но ясно говоритъ*). Мамочка... дорогая... прости... и... и... прощайте... дайте... я... поцѣлую васъ... тебя... тебя, мою милую... добрую мать,.. и... и... дѣтей... скорѣе... умираю... (*Цѣлуется съ матерью*).

(Екатерина Александровна съ трудомъ отрывается отъ сына и падаетъ безъ чувствъ на руки подошедшей къ ней Фроси).

Лидія Павловна (*цѣлуетъ мужа въ губы и руки*).

Сережа... Сереженька, что ты сдѣлалъ? О, Боже мой, что ты сдѣлалъ?.. На кого ты насъ оставляешь?.. Сереженька, дорогой, ты, вѣдь, такъ любилъ свою Лиду!..

Сергѣй Васильевичъ (*тихо плачетъ и еле говоритъ*). Прости, дорогая... Лида... Дай... поцѣлую.... тебя, дорогая... въ послѣдній... разъ... дѣтокъ... смерть...

(Цѣлуетъ Лидію Павловну. Лидія Павловна цѣлуетъ ему руки, а затѣмъ поднимаетъ къ его губамъ Петю, котораго Сергѣй Васильевичъ благословляетъ и затѣмъ цѣлуетъ Мишу и Елену, благословляя сильно дрожащею рукой. Марія Нечипоренко падаетъ въ обморокъ. Елена и Лидія Павловна прижались къ Сергѣю Васильевичу съ боковъ; Миша и Петя обхватили колѣни. Всѣ громко рыдаютъ).

Сергѣй Васильевичъ. А Николай... Георгіевичъ?.. хочу и... съ нимъ... попрощаться... и съ Маріей Вас... Васильевной.

(Въ этотъ моментъ вбѣгаетъ Николай Георгіевичъ, а за нимъ докторъ).

Николай Георгіевичъ (*запыхавшись*). Вотъ и я съ докторомъ.

Лидія Павловна. Пусть докторъ обождетъ!.. Подойдите скорѣе къ мужу,—онъ хочетъ проститься съ вами... (*Плачетъ*).

(Николай Георгіевичъ быстро подходитъ къ Сергѣю Васильевичу и цѣлуется съ нимъ. Марія Нечипоренко не подходитъ: какъ ее, такъ и Екатерину Александровну Ѳедоръ, Дуня и Фрося приводятъ въ чувство).

Сергѣй Васильевичъ. Про... щайте... спас... ите мою... семью...

Николай Георгіевичъ. Клянусь до гроба быть съ ними и заботиться о нихъ! Благословите меня и Елену.

Сергѣй Васильевичъ. Хо... ро... шо...

(Елена и Николай Георгіевичъ становятся передъ нимъ на колѣни и онъ съ трудомъ креститъ ихъ).

Сергѣй Васильевичъ. Бла... го... сло... вляю... И про... щай... те... всѣ... дорогіе... охъ, ум... и... раю...

(Быстро подходитъ докторъ, разстегиваетъ у Сергѣя Васильевича жилетъ и, припавъ головой къ его груди, слушаетъ, держа за руку).

Докторъ (*перекрестившись*). Все кончено!..

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV-ое.

(Утро. Вся семья Коваленко, Марія и Николай Георгіевичъ сидятъ въ столовой. На столѣ стоитъ самоваръ; чай отпитъ. Всѣ въ траурныхъ черныхъ платьяхъ).

Николай Георгіевичъ. Пока я живъ, всю силу, энергію и средства я отдамъ и посвящу, дорогая Лидія Павловна, всей вашей семьѣ. Богъ послалъ вамъ всѣмъ и мнѣ тяжкое испытаніе, но что дѣлать!.. что дѣлать!.. А тутъ вотъ война еще!.. Всѣ жители Калиша въ страхѣ покидаютъ городъ... бѣгутъ... уѣзжаютъ. Вчера я слыхалъ, говорили, что ежедневно въ городѣ могутъ появиться пруссаки и завладѣть имъ.

Лидія Павловна. Ахъ, Боже мой!.. Господи, какой ужасъ! Что же мы будемъ дѣлать?

(Плачетъ, а за нею и всѣ).

Лидія Павловна (*захлебываясь слезами*). Не успѣли... похоронить Сергѣя Васильевича, а тутъ опять новое несчастье!.. Боже мой, Боже мой!..

Елена. Количка! А ты насъ не оставишь, не покинешь?

Николай Георгіевичъ. До гроба я вашъ и съ вами! (*Подходитъ и цѣлуетъ ее*).

Николай Георгіевичъ (*цѣлуя руку Лидіи Павловны*). Лидія Павловна! Дорогая Лидія Павловна! Возьмите себя въ руки и успокойтесь! Я понимаю, какъ велико ваше горе, но перенесите его съ мужествомъ!.. На все воля Божья!

Лидія Павловна. Охъ, тяжело, тяжело!.. (*Сильно плачетъ*).

(Въ столовую вбѣгаютъ Фрося и Ѳедоръ, сильно запыхавшись).

Фрося. Барыня! Дуня прибѣжала съ базара и ничего не купила... Въ городѣ вездѣ кричатъ и плачутъ... Всѣ бѣгутъ и уѣзжаютъ изъ города... Всѣ лавки закрыты... Всѣ кричатъ, что нѣмцы входятъ въ городъ...

Всѣ (*хоромъ*). О, Боже, какой ужасъ! Какой ужасъ!

Ѳедоръ. Я, барыня, позапыравъ и хвиртку, и ворота, и сарай.

(Слышатся крики и выстрѣлы. Всѣ въ ужасѣ переглядываются и крестятся).

Елена. Что это, Боже мой!?

Лидія Павловна. Ѳедоръ, закрой скорѣе ставни въ окнахъ.

Ѳедоръ. Боюсь, барыня, йты на двиръ.

Лидія Павловна. Ахъ, Боже мой! Боже мой!

(Миша и Петя начинаютъ плакать и прижимаются къ матери. Выстрѣлы и крики слышны еще сильнѣе. Вбѣгаетъ Дуня).

Дуня. Барыня! Барыня! Господа мои дорогіе!.. Боже мой!!. Сейчасъ я видѣла въ окно, какъ три какіе-то человѣка, какъ пожарные одѣтые, погнались мимо нашей калитки за какою-то дѣвушкой!

Лидія Павловна. А вы, Дуня, заперли кухонную дверь?

Дуня. Заперла, барыня.

Николай Георгіевичъ. Господа, успокойтесь, ради Бога! Если и дѣйствительно уже нѣмецкія войска вступили въ городъ, то, вѣдь, они мирныхъ жителей не будутъ обижать. Магазины, быть можетъ, разграбятъ, да и то едва-ли,—вѣдь, они же не дикари, а европейцы! Не надо, господа, такъ волноваться... А что касается того, что сейчасъ Дуня видѣла и повѣдала намъ, то возможно, что эта дѣвушка или женщина задѣла кого-нибудь или оскорбила, вотъ ее и ловятъ за это и кричатъ... Выстрѣлы же, что слышны, я объясняю тѣмъ, что нѣмецкія войска дѣйствительно вступили, и на радостяхъ, что они вошли въ русскій городъ и заняли его, стрѣляютъ въ воздухъ.

Екатерина Александровна. Господи!.. Царица Небесная!.. Помогите намъ!

(Крестится, а за нею и всѣ крестятся).

Елена (*глядя въ окно*). Боже мой!.. Что я вижу?!. Что я вижу?! Ахъ!

(Всѣ бросаются къ окнамъ и моментально отскакиваютъ. Слышны выстрѣлы).

Лидія Павловна. Убиваютъ! Убиваютъ! Напротивъ нашего дома, во дворѣ, это нѣмцы въ каскахъ... Ахъ, Боже мой!.. ахъ, Боже мой!..

Николай Георгіевичъ. Господа! Становитесь всѣ на колѣни и будемъ Богу молиться. Быть можетъ, они минуютъ нашъ домъ... У меня-то есть защита—охотничье ружье и дробовые патроны, но сопротивленіе оказывать едва-ли есть смыслъ,—ихъ много, вѣдь, полки, навѣрное...

Лидія Павловна. О, конечно! конечно! Боже васъ избави, голубчикъ, сдѣлать это,—еще хуже тогда будетъ намъ,—всѣхъ поубиваютъ! А такъ... быть можетъ, они и не обидятъ насъ.

(Слышенъ сильный стукъ въ дверь террасы; стукъ повторяется все сильнѣе и сильнѣе; слышны грубые голоса).

Всѣ (*хоромъ*). Боже! Боже! Помоги намъ!,. спаси насъ!.. защити!..

(Всѣ стоятъ на колѣняхъ и крестятся. Помолившись встаютъ).

Лидія Павловна. Быть можетъ, господа, лучше открыть дверь стучащимъ?

Николай Георгіевичъ. Боже избави!..

Елена (*въ страшномъ испугѣ*). Господа! Господа! Смотрите: въ наши окна нѣмцы въ каскахъ глядятъ, а вотъ, въ крайнее окно смотритъ кто-то въ кэпкѣ... я его гдѣ-то видѣла...

(Всѣ, съ выраженіемъ страшнаго ужаса и испуга на лицахъ, глядятъ въ окна. Слышенъ звонъ разбиваемыхъ стеколъ. Въ окна влазятъ

нѣмецкіе солдаты и господинъ въ кэпкѣ—секретарь Мельбаума, Миллеръ,—съ огромною вязкой веревокъ. Всѣхъ влѣзшихъ солдатъ девять человѣкъ).

Одинъ изъ нѣмецкихъ солдатъ. Ахъ, ви шерти польосаты, вотъ ви кде! Тумали не найтемъ васъ?

(Три солдата подходятъ къ Николаю Георгіевичу и, поощряемые Миллеромъ, связываютъ его принесенными Миллеромъ веревками и привязываютъ во весь ростъ къ буфету. Другіе три солдата связываютъ и рядомъ съ Николаемъ Георгіевичемъ привязываютъ сильно дрожащаго Ѳедора, раскрывшаго съ испуга ротъ и безсмысленно глядящаго на нихъ).

Миллеръ (*обращаясь къ женщинамъ*). Не кричите и сидите и стойте смирно,—вамъ ничего худого сдѣлано не будетъ. (*Саркастически улыбается и пожираетъ глазами Елену*).

Елена (*плачетъ*). Ради Бога! Молодой человѣкъ! Если это отъ васъ зависитъ,—прикажите, пожалуйста, чтобы моего брата и нащего сторожа развязали... Я ручаюсь за нихъ, они будутъ смирно сидѣть... умоляю!.. умоляю васъ!.. сдѣлайте великое одолженіе!..

Миллеръ. Это будетъ сдѣлано потомъ... Погодите и потерпите немножко. (*Злорадно улыбается*).

Елена (*смахивая платкомъ слезы*). Ахъ, какъ я вамъ буду благодарна!..

Миллеръ (*глядя на нее*). Какая, однако, вы душка! (*Подходитъ къ ней ближе и нахально любуется*).

(Елена съ испугомъ глядитъ на него. Солдаты-нѣмцы приготовляются къ кутежу. Миллеръ схватываетъ ее, обнимаетъ, облапиваетъ, прижимаетъ къ себѣ и страстно цѣлуетъ. Елена пытается вырваться, но безуспѣшно).

Николай Георгіевичъ (*видя это, кричитъ*). Негодяй! Подлецъ! Оскверняешь беззащитную дѣвушку! Какъ это подло и низко!..

Миллеръ (*подымаетъ гордо голову, выпускаетъ изъ своихъ грубыхъ объятій Елену, подбѣгаетъ къ Николаю Геор-*

гіевичу и кричитъ). Кто негодяй!?. Кто негодяй!?. (*Плюетъ въ лицо Николаю Георгіевичу и изо всей силы ударяетъ его ногой въ животъ*).

Николай Георгіевичъ. Ой!.. о-о-о-й!.. Боже мой!..

Миллеръ. Что, больно? Ай, говоришь! Замолчи, негодяй! (*Грозитъ кулакомъ Николаю Георгіевичу*). Я тебѣ!.. русская свинья!..

(Миллеръ отходитъ отъ Николая Георгіевича и подходитъ къ молодому солдату,—повидимому, старшему надъ всѣми, судя по нашивкамъ и по тому, какъ всѣ остальные его слушаютъ,—и шепчется съ нимъ о чемъ-то, а затѣмъ этотъ солдатъ приказываетъ двумъ солдатамъ увести въ сосѣднюю комнату и запереть на ключъ Екатерину Александровну, Мишу и Петю, что послѣдніе и приводятъ немедленно въ исполненіе, взявъ за руки Мишу, Петю и Екатерину Александровну и уводя ихъ).

Миша и Петя (*кричатъ*). Мамочка! Дорогая мамочка! Ай! Ай! (*вырываются, но ихъ угощаютъ пинками*).

(Лидія Павловна бросается къ дѣтямъ; её схватываетъ толстый солдатъ и прижимаетъ къ себѣ).

Нѣмецъ (*грубо облапивъ Лидію Павловну*). Хороши папа... крѣпки...

Лидія Павловна. Негодяй! Варваръ!

(Нѣмецъ усаживаетъ её въ стуло, беретъ ружье и грозитъ прикладомъ, держа ружье надъ ея головой. Одинъ изъ солдатъ достаетъ послѣднюю бутылку вина изъ кулька, принесеннаго имъ изъ города въ домъ Коваленко и, откупоривъ, ставитъ на столъ. Всѣ пьютъ по первому стакану; пьютъ чайными стаканами. Старшій солдатъ, указывая рукою на Фросю и Дуню, приказываетъ пятерымъ солдатамъ окружить ихъ. Солдаты, сильно охмелѣвшіе, шатающіеся, немедленно исполняютъ его приказаніе. Тремъ остальнымъ солдатамъ онъ приказываетъ окружить Лидію Павловну, а самъ подходитъ къ Маріѣ и закручиваетъ свои усы а-ля Вильгельмъ. Кивкомъ головы даетъ знакъ Миллеру, который подходитъ, сильно шатаясь, къ Еленѣ и, заложивъ за спину свои руки, пристально глядитъ ей въ глаза).

Николай Георгіевичъ. О, Боже мой, Боже мой!.. Что они хотятъ дѣлать?.. О, Боже, Боже!..

Ѳедоръ. Воны насыльнычать, мабуть, будуть... Господы, Господы!.. Лучше-бъ умерты, та на бачыть!.. Прокляты изувиры!..

Миллеръ (*шатаясь и глядя на Николая Георгіевича, заплетающимся языкомъ, не отходя отъ Елены, говоритъ*). Согласно распоряженію германскаго императора Вильгельма второго, ваша невѣста будетъ сейчасъ временною моею женой, а остальныя женщины будутъ женами другихъ здѣсь присутствующихъ, а вы будете наблюдать, хорошо-ли ваша невѣста будетъ исполнять супружескія обязанности...

Николай Георгіевичъ. Негодяй!.. Подлецъ!..

(Силится, какъ и Ѳедоръ, разорвать туго связанныя веревки).

Всѣ женщины (*кричатъ*) Ахъ!!. Ахъ, Боже мой!

(Елена пытается убѣжать. Миллеръ схватываетъ ее, разрываетъ кофточку и валитъ на полъ. Всѣ солдаты валятъ женщинъ на полъ. Слышны душу раздирающіе крики и неистовый хохотъ и гоготанье нѣмцевъ).

Занавѣсъ.

ПОСЛѢДНЯЯ КАРТИНА.

Наглумившись, произведя насиліе надъ женщинами и истязаніе, нѣмецкіе солдаты, во главѣ съ германскимъ подданнымъ Миллеромъ, убивъ всѣхъ женщинъ, дѣтей и мужчинъ, покинули домъ Коваленко, обагривъ его кровью мирныхъ гражданъ и разграбивъ, что полегче и цѣннѣе. Всюду лежатъ опрокинутые и изломанные столы и стулья; въ окнахъ повыбиты всѣ стекла. Всюду по полу валяются разбросанныя бутылки и стаканы.

Съ распущенными, всклоченными волосами, въ различныхъ позахъ и мѣстахъ, лежатъ жертвы злодѣевъ, изверговъ, негодяевъ-пруссаковъ. Лидія Павловна, Елена, Марія, Фрося и Дуня,—всѣ онѣ обезчещены и убиты. Николай Георгіевичъ и Ѳедоръ, привязанные къ буфету, также мертвы,—разстрѣляны. Миша и Петя лежатъ убитые съ распростертыми ручонками. Не позабыли негодяи убить и Екатерину Александровну: она лежитъ съ раздробленною головой. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ лежатъ отрѣзанныя жестокими варварами женскія груди.

59729

C 4453

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія у автора:
Петроградъ, Вас. Остр., 9 линія, д. 48.